

A man with dark, wet hair and a slight smile is seated in a small wooden boat on a body of water. He is wearing a dark, tattered, and wet jacket. Rain is falling heavily around him, creating a misty atmosphere. In the background, there are forested hills under a grey, overcast sky. The overall tone is dramatic and atmospheric.

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

ВОДНЫЙ БАРОН 2

Александр (Колючий)

Водный барон. Том 2

<https://litres.ru/74171689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он выжил в ледяной воде, чтобы стать легендой. Он построил империю на руинах, чтобы спасти семью. Но враг не дремлет: клан Авиновых готов на всё, чтобы уничтожить выскочку.

Теперь Мирон стоит перед выбором: потерять всё или рискнуть головой, шагнув в змеиное гнездо аристократии. Его ждут предательства, интриги и смертельная опасность. Сможет ли холодный расчет спасти горячее сердце? История мужчины, который не умеет сдаваться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	53
Глава 4	91
Глава 5	126
Глава 6	153
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Александр (Колючий)

Водный барон. Том 2

Глава 1

Ночь была глубокой и холодной. Я стоял на безлюдном берегу, вдали от Обители, вдали от Слободы, там, где река делала широкий изгиб и берег покрывал густой тростник.

Егорка остался в укрытии, у костра, который мы развели в овраге. Я попросил его не следовать за мной. Мне нужно было побыть одному.

С рекой.

Я спустился к самой воде, присел на корточки, опустил руку в холодную, тёмную воду. Она текла медленно, мерно, как всегда текла, как текла тысячи лет до меня и будет течь после.

Всё потеряно. Производство закрыто. Партнёры разбежались. Серапион отказался от меня. Я изгнан. У меня нет ничего — только Егорка, пятнадцать рублей серебром и память Глеба, которая бессильна против системы, заточенной на уничтожение таких, как я.

Я посмотрел на реку.

Луна отражалась в воде, дробилась на рябь, исчезала и появлялась снова.

Ты спасла меня тогда, в детстве. Ты выплюнула меня на берег, когда я тонул. Ты дала мне второй шанс.

Я сжал кулак, вода просочилась между пальцев.

А я что сделал? Я построил бизнес. Логистику. Схемы. И всё это рухнуло за один день. Потому что я играл по правилам людей, а не по правилам реки.

Я поднял голову, посмотрел на тёмную воду, на течение, которое уносило прочь всё — листья, ветки, обломки.

Касьян использует бюрократию. Бумаги. Печати. Он играет через систему, которая защищает власть.

Но река — это другая система. Древняя. Не написанная. Не подчинённая Волостному двору.

Я встал, шагнул ближе к воде, так, что она омыла мои сапоги.

— Река, — сказал я вслух, тихо, но твёрдо. — Я знаю, что ты слышишь меня.

Вода текла. Молчала.

Я продолжал:

— Ты спасла меня тогда. Ты — живая летопись. Ты видела всё. Ты видела, как они убили моего отца. Как они топили людей. Как они грабили суда.

Моя рука сжалась в кулак.

— Покажи мне, чем тебе помочь. Покажи, что они с тобой сделали.

Тишина растянулась.

Только плеск воды, шорох тростника, далёкий крик совы.

Я стоял, глядя на реку, ожидая.

Глупо. Я говорю с водой. Как безумный.

Но память Мирона, память мальчика, который утонул и вернулся, подсказывала мне, что река — это не просто вода. Это живое существо. Древнее. Могучее.

Ты взяла что-то у меня тогда. Ты взяла мою жизнь и вернула её.

Значит, между нами есть связь.

Ветер усилился, зарядил воду.

И вдруг — я увидел.

Видение пришло не словами, не звуками, а ощущениями, образами, которые заливали мой разум, как вода заливают низину.

Сначала — свет.

Яркий, чистый, тёплый. Вода, прозрачная, как стекло. Я вижу дно — камни, песок, водоросли, которые колышутся на течении. Рыба плывёт стаями — серебристая, живая, изобильная.

Река. Чистая. Какой она была.

Образ меняется. Я вижу лодку — старую, крепкую, с парусом, раскрашенным в синий цвет. На носу стоит мужчина — высокий, широкоплечий, с бородой. Он смотрит на реку с любовью, с уважением.

Отец.

Он ведёт лодку уверенно, знает каждое течение, каждый изгиб реки. Он не борется с водой — он движется вместе с

ней, как часть её.

Гармония. Так было когда-то.

Образ дрожит, начинается темнеть.

И вдруг — резкая смена.

Вода стала мутной. Грязь, ил, что-то маслянистое плавает на поверхности. Запах гнили, смерти. Рыба исчезла — только редкие, больные особи, которые мечутся, задыхаясь.

Боль.

Я чувствую это — физически, как удар в грудь. Река страдает. Её осквернили.

Образы мелькают быстрее.

Суда, горящие. Люди, тонущие, кричащие, их руки тянутся к поверхности, но их тащит вниз. Кровь в воде — тёмная, густая, растворяющаяся в течении.

Убийство. Грабёж. Насилие.

Я вижу лодки — быстрые, узкие, с чёрными парусами. Ушкуйники. Они нападают, таранят, режут, топят. Берут добычу и исчезают в темноте.

Это то, что делают Авиновы. Используют реку как инструмент грабежа.

Река показывает мне ещё больше — склады на берегу, где разгружают краденое. Тюки, бочки, меха — всё это перегружают, перепакуют, отправляют дальше.

Преступление. Систематическое. Организованное.

И вдруг — образ фокусируется.

Протока.

Узкая, скрытая, заросшая тростником и ивами. Её не видно с основного русла. Но я вижу её — чётко, ясно. Устье протоки, куда заходят лодки с чёрными парусами. Где они прячутся.

Логово.

Голос — не словами, но ощущением — проникает в мой разум:

«Там. Источник яда. Там найдёшь ответы».

Образ держится несколько мгновений, я запоминаю каждую деталь — изгиб берега, два старых дуба, поваленное дерево, которое торчит из воды как палец.

Я знаю это место.

А потом — видение исчезает.

Я очнулся, стоя по шиколотку в воде, держась за тростник, чтобы не упасть. Сердце колотилось, дыхание сбилось. Я был весь мокрым — то ли от пота, то ли река окатила меня брызгами.

Я выбрался на берег, упал на колени, тяжело дышал.

Что это было?

Видение. Река показала мне. Она ответила.

Память Глеба пыталась найти рациональное объяснение — галлюцинация, гипоксия, психологический стресс.

Но память Мирона знала правду.

Река живая. Она говорила со мной. Она показала мне, где искать.

Я встал, покачнулся, выпрямился. Руки дрожали. Я по-

смотрел на реку — она текла спокойно, безразлично, как будто ничего не произошло.

Но я знал.

Протока. Устье. Два дуба. Поваленное дерево.

Логово ушкуйников.

Там ответы.

Я развернулся и пошёл обратно к Егорке.

Костёр догорал. Егорка сидел, подбрасывая ветки в огонь, когда я вернулся. Он поднял голову, увидел меня, вскочил.

— Мирон! Ты весь мокрый! Что случилось?

Я сел рядом с огнём, протянул руки к теплу.

— Я знаю, куда идти.

Егорка уставился на меня.

— Куда?

Я посмотрел на него.

— Протока, верстах в трёх отсюда вниз по течению. Скрытая, заросшая. Там база ушкуйников. Там они прячут краденое. Там я найду доказательства против Авиновых.

Егорка моргнул.

— Откуда ты знаешь?

Я замолчал, подбирая слова.

— Река показала мне.

Егорка посмотрел на меня долго, затем медленно кивнул.

— Ты всегда был странным, Мирон, с тех пор, как утонул и вернулся. Но я тебе верю.

Он подкинул ещё веток в огонь.

— Когда идём?

Я посмотрел на небо — луна уже клонилась к горизонту, рассвет был близко.

— Утром. Нужно подплыть к протоке незаметно, днём будет проще разглядеть, что там.

Егорка кивнул.

— Хорошо, тогда поспим немного, пока можем.

Я лёг, укрывшись плащом, но сон не шёл. Я лежал, глядя на звёзды, вспоминая видение.

Река показала мне правду.

Авиновы используют ушкуйников. Грабят суда. Убивают людей. Оскверняют реку.

И моя задача — остановить их.

Не через бюрократию. Не через волостной двор. Не через бумаги.

Через доказательства. Улики. Свидетелей.

Через правду, которую нельзя замять.

Я закрыл глаза.

Река дала мне последний шанс.

Я не могу его упустить.

Рассвет окрасил реку в серо-розовые тона. Мы с Егоркой сидели в маленькой лодке, которую я взял взаймы у рыбака на дальнем причале за две серебряные монеты. Лодка была старая, текла, но держалась на воде.

Егорка греб осторожно, почти бесшумно, вёсла едва касались воды. Я сидел на носу, всматриваясь в берег, ища ори-

ентиры.

Два дуба. Поваленное дерево. Протока.

Река делала широкий изгиб, берег здесь был дикий, необжитый — густой тростник, ивы, которые свисали до самой воды, заросли кустарника. Место, где редко бывают люди.

Идеальное для тайного логова.

Я увидел первый дуб — старый, могучий, с раздвоенным стволом. Затем второй, чуть дальше.

— Егорка, — шепнул я. — Вон там, между дубами.

Егорка посмотрел, кивнул, развернул лодку ближе к берегу.

Я увидел поваленное дерево — огромная ива, которая упала в воду, её корни торчали на берегу, а ствол лежал в реке, наполовину затопленный. Течение обтекало его, создавая водоворот.

Точно как в видении.

За поваленным деревом, скрытое зарослями тростника и ив, виднелось устье — узкое, не больше трёх метров в ширину, почти невидимое с основного русла.

Протока.

— Останови здесь, — шепнул я Егорке. — Дальше пойдём пешком.

Мы причалили к берегу, вытащили лодку в тростник, укрыли ветками. Я огляделся — никого. Только шум воды, шелест листвы, крики птиц.

Мы двинулись вдоль берега, пригибаясь, стараясь не шу-

мать. Протока уходила вглубь берега, петляя между деревьями. Я шёл первым, Егорка следовал за мной.

Если видение правдиво, здесь должна быть база. Логово.

Мы прошли метров сто, и тропа расширилась. Деревья отступили, открывая небольшую поляну на берегу протоки.

Я остановился, присел за кустом, кивнул Егорке.

Вот оно.

База была небольшой, но обжитой. Три избы — низкие, сложенные из дерева, потемневшего от времени, с покосившимися крышами. Перед избами — помост, где сушились сети, лежали вёсла, стояли бочки.

У протоки были привязаны две лодки — узкие, быстроходные, с чёрной обшивкой.

Ушкуйники.

Я огляделся, считая людей. Дым валил из трубы одной избы — кто-то готовил еду. У помоста стоял мужчина — молодой, лет двадцати пяти, в потрёпанном кафтане, с топором за поясом.

Стражник.

Он скучающе глядя на протоку. Рядом никого больше не было.

Один. Только один человек на посту. Либо они слишком уверены в скрытности базы, либо большинство людей ушли по делам.

Я посмотрел на Егорку, показал пальцем на стражника, затем приложил палец к губам. Егорка кивнул.

Я тихо поднялся, вышел из-за куста, направился к стражнику. Шёл уверенно, не крадучись, как будто имел право здесь быть.

Стражник услышал шаги, обернулся, увидел меня, напрыгнул, схватился за топор.

— Стой! Кто ты?!

Я остановился в нескольких шагах от него, поднял руки, показывая, что не вооружён.

— Мы к старосте, — сказал я спокойно, твёрдо. — Слово есть. От людей, которых он знал.

Стражник нахмурился, смотрел на меня подозрительно.

— Каких людей?

Я сделал шаг вперёд, мой голос стал холоднее, жёстче.

— От тех, кто платит за то, чтобы вы здесь сидели тихо. Староста знает, о ком речь. Мне нужно с ним поговорить. Срочно.

Стражник колебался, его рука всё ещё была на топоре.

Я давил дальше:

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тем, кто платит, что ты не пропустил меня? Что задержал важное сообщение?

Память Глеба подсказывала — психологическая атака, использование неопределённости, страха перед начальством.

Он не знает, кто я. Не знает, откуда я пришёл. Но он боится ошибиться. Боится, что если я правда от «тех людей», то за отказ пропустить меня ему достанется.

Стражник сглотнул, отпустил топор.

— Хорошо, но староста Гракч не любит, когда его беспокоят с утра. Он там, в крайней избе, наверное, ещё спит.

Он кивнул на самую дальнюю избу, из трубы которой валил дым.

Я кивнул.

— Спасибо.

Я пошёл к избе, Егорка следовал за мной. Стражник смотрел нам вслед, всё ещё сомневаясь, но не останавливал.

Первый барьер пройден.

Я подошёл к двери избы, остановился, прислушался. Внутри слышались голоса — хриплые, грубые, кто-то ругался, кто-то смеялся.

Я толкнул дверь.

Изба была полутёмной, пахло самогоном, дымом, потом. У очага сидели двое мужчин — оба пожилые, небритые, в грязных рубахах. Один из них — высокий, с длинной седой бородой, со шрамом через всё лицо — повернулся к двери, увидел меня, нахмурился.

— Ты кто такой? — рявкнул он.

Я шагнул внутрь, Егорка закрыл дверь за нами.

— Ты Гракч? — спросил я, глядя на высокого с бородой. Мужчина встал, его рука потянулась к ножу за поясом.

— А если я? Кто спрашивает?

Я выпрямился, мой голос стал твёрдым, холодным:

— Мирон Заречный. Сын Степана Заречного, которого вы убили три года назад.

Тишина обрушилась на избу.

Гракч замер, его глаза расширились. Второй мужчина вскочил, схватился за топор.

Я поднял руку, останавливая их.

— Я не пришёл мстить. Пока. Я пришёл за правдой. И ты мне её расскажешь.

Гракч усмехнулся, но в его глазах была настороженность.

— С чего бы мне рассказывать тебе что-то, мальчишка?

Я сделал шаг вперёд.

— Потому что если ты не расскажешь мне, ты расскажешь княжескому воеводе. И я знаю, что воевода делает с ушкуйниками.

Гракч побледнел.

— Воевода? Откуда ты...

Я перебил его:

— Я знаю многое, Гракч. Я знаю, что вы работаете на Авиновых. Я знаю, что вы грабите суда по их приказу. Я знаю, что вы храните краденое в их амбарах на причале.

Я сделал ещё шаг.

— И я знаю, что княжеский воевода за одно только упоминание об ушкуйниках вешает без суда.

Гракч сжал кулаки, его лицо исказилось.

— Ты... ты угрожаешь мне?

Я покачал головой.

— Нет, я даю тебе выбор. Авиновы? Или князь? Чья расправа страшнее?

Я посмотрел на него прямо.

— Решай, Гракч.

Гракч стоял посреди избы, его рука была на рукояти ножа, лицо искажено яростью и страхом. Второй мужчина держал топор наготове, глядя на меня с ненавистью.

— Ты пришёл сюда, на нашу территорию, и угрожаешь мне? — прорычал Гракч. — Да я могу убить тебя прямо сейчас, бросить в реку, и никто не узнает!

Я не двинулся с места, мой голос был спокойным, холодным:

— Можешь. Но тогда княжеский воевода всё равно придёт сюда. Потому что я не один пришёл в эти леса. Человек ждёт меня на берегу. Если я не вернусь через час, он поедет прямо к воеводе с тем, что я знаю.

Я блефовал, но Гракч не знал этого.

Он колебался, его рука дрожала на ноже.

Я продолжал, медленно, методично:

— А теперь слушай внимательно, Гракч. Я расскажу тебе, как вы убили моего отца. И если я ошибусь хоть в одной детали, ты можешь не верить мне.

Я сделал шаг вперёд.

— Три года назад. Начало осени. Туман на реке был густой, видимость — не больше десяти метров. Вы подошли с севера, против течения, тихо, на вёслах, без парусов.

Гракч побледнел.

Я продолжал:

— Флотилия Заречных шла вниз по течению. Три струга. Грузовой, с товаром — соль, железо, ткани. Два сопровождающих — защита, рыбаки.

Память Глеба анализировала логику нападения, память Мирона вспоминала обрывки разговоров, слухов, которые он слышал ребёнком.

— Вы не атаковали грузовой струг первым. Вы атаковали лодку моего отца. Первой. Таранили её, перевернули, топили людей в воде.

Я посмотрел Гракчу прямо в глаза.

— Это было не ограбление. Это было убийство. Целенаправленное. Вамне нужен был товар — вы хотели уничтожить соперника.

Тишина стояла мёртвая.

Гракч смотрел на меня, его лицо стало серым.

— Откуда ты знаешь? — выдохнул он хрипло. — Откуда ты знаешь всё это? Никто... никто не должен был выжить...

— Но один выжил. Мальчишка, которого река выплюнула на берег. Я. Мирон Заречный.

Гракч отступил на шаг, нож выпал из его руки, звякнул о пол.

— Ты... ты сын Заречного... Но ты утонул...

— Я вернулся, — ответил я просто. — И теперь я здесь. Перед тобой. И ты расскажешь мне всё.

Второй мужчина посмотрел на Гракча.

— Гракч, не слушай его! Он хочет запутать тебя!

Гракч покачал головой, опустил на лавку, схватился за голову.

— Нет... он знает... он действительно знает...

Он посмотрел на меня снизу вверх.

— Что ты хочешь?

Я присел напротив него, мой голос стал тише, но не менее твёрдым:

— Правду. Кто заказал нападение на флотилию Заречных?

Гракч молчал долго, затем вздохнул.

— Савва Авинов. Он пришёл к нам за год до того. Предложил работу. Хорошую плату. Сказал, что есть соперник, которого нужно убрать с реки.

Он поднял голову.

— Твоему отцу принадлежал северный участок реки. Возил товар из столицы в Слободу и обратно. Хорошо возил, честно, люди ему доверяли. Авиновы хотели этот участок себе. Хотели все прибрать к рукам.

Я сжал кулаки.

Монополия. Всё ради монополии. Мой отец был конкурентом, и его убили.

— Продолжай, — сказал я глухо.

Гракч кивнул.

— Мы сделали, что нам сказали. Напали. Потопили лодки. Взяли товар. Савва заплатил нам сто рублей серебром. Сказал, что если кто узнает — он нас не знает, мы действо-

вали сами.

— Типичная схема. Нанять кого-то, сделать грязную работу, потом отречься.

Я кивнул.

— А сейчас? Вы всё ещё работаете на Авиновых?

Гракч вздохнул.

— Да. Касьян, сын Саввы, умнее отца. Он наладил порядок. Мы грабим суда — те, что идут мимо Слободы, не заходя к Авиновым. Берём товар, приносим сюда, прячем. Потом люди Касьяна забирают товар, везут на их причал.

Он посмотрел на меня.

— Там у них нижний амбар. Весь этот амбар — наш склад. Там переупаковывают товар, счищают клейма, меняют маркировку. Потом продают как свой.

Я напрягся.

— Клейма? Какие клейма?

— Княжеские. Большая часть товара, который мы берём, идёт от княжеских торговцев. Соль, пушнина, ткани. Всё с клеймами князя. Если бы княжеский воевода узнал, что Авиновы торгуют краденым княжеским товаром...

Он провёл пальцем по горлу.

— Повесили бы всех. Без суда.

Я откинулся на спинку лавки, обдумывая.

Княжеский товар. Это улика. Это то, что может уничтожить Авиновых полностью. Не через Волостной двор, который они контролируют, а через князя, через центральную

власть.

Я посмотрел на Гракча.

— Где этот товар сейчас?

Гракч пожал плечами.

— В амбаре, на причале Авиновых. Там всегда есть товар, партии приходят и уходят каждую неделю.

Он задумался.

— Хотя... сегодня ночью как раз должна быть большая отгрузка. Касьян велел нам принести три тюка пушнины, отборной, с княжескими клеймами. Сказал, что покупатель едет из столицы, заплатит хорошо.

Я выпрямился.

— Сегодня ночью? Когда именно?

Гракч посмотрел в окно, где солнце уже поднялось высоко.

— После полуночи. Обычно они грузят телеги в темноте, чтобы никто не видел. Вывозят товар на дальний тракт, там передают покупателям.

Я встал.

Сегодня ночью. Это мой шанс. Если я поймаю их с краденым княжеским товаром, я смогу вызвать воеводу. Доказать преступление. Уничтожить Авиновых.

Но времени мало. До ночи — часов десять, не больше.

Я посмотрел на Гракча.

— Ты пойдёшь со мной. Ты свидетель. Ты расскажешь всё воеводе, когда он приедет.

Гракч побледнел.

— Я? Ты хочешь, чтобы я сдал Авиновых? Они убьют меня!

Я покачал головой.

— Не убьют, если воевода арестует их первым. А он арестует, если ты дашь показания.

Я склонился ближе.

— Выбирай, Гракч. Либо ты идёшь со мной и получаешь шанс на помилование от князя за сотрудничество. Либо я иду к воеводе один, рассказываю всё, что ты мне сказал, и воевода приходит сюда. Арестовывает тебя. И вешает без суда за ушкуйничество.

Гракч смотрел на меня долго, затем опустил голову.

— Проклятье... Ты загнал меня в угол, мальчишка...

Он вздохнул.

— Хорошо. Я пойду. Я дам показания. Но если Авиновы выкрутятся, я мёртвый человек.

— Они не выкрутятся. Я прослежу за этим.

Я повернулся к Егорке.

— Егорка, ты останешься здесь с Гракчем. Следи, чтобы он никуда не ушёл. Я иду к Серапиону, нужно отправить гонца к воеводе.

Егорка кивнул.

— Хорошо, Мирон.

Я посмотрел на второго мужчину, который всё это время молчал, держа топор.

— А ты?

Мужчина сплюнул.

— Мне всё равно. Я здесь временно, меня это не касается. Он бросил топор на пол, вышел из избы.

Я посмотрел на Гракча.

— До ночи у нас есть время. Воевода должен приехать как раз к моменту, когда Авиновы начнут грузить товар. Тогда их возьмут с поличным.

Гракч кивнул мрачно.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Заречный.

— Я всегда знаю, что делаю.

Почти всегда.

Я вышел из избы, направился обратно к лодке.

Солнце стояло высоко, когда я вышел на берег реки. Лодка была там, где мы её оставили, спрятанная в тростнике.

Я сел в неё, взялся за вёсла, начал грести вверх по течению, обратно к Слободе.

План складывается. Гракч — свидетель. Его показания — улика. Княжеский товар в амбаре — доказательство. Если воевода приедет сегодня ночью и застанет Авиновых с краденной пушниной, он арестует их. Без суда. Без возможности откупиться.

Это конец Авиновых. Конец Касьяна. Конец их монополии.

Но оставалась одна проблема.

Если они вывезут товар до прибытия воеводы, доказа-

тельств не будет. Гракч даст показания, но без физических улик его словам могут не поверить. Авиновы скажут, что это клевета. Найдут свидетелей, которые подтвердят их алиби.

Я должен убедиться, что товар останется в амбаре до прибытия воеводы.

Я греб быстрее.

Времени мало. Нужно действовать быстро.

К Обители я добрался к полудню. Солнце стояло в зените, жгло спину, пока я вытаскивал лодку на берег и бежал через поле к монастырю.

Ворота были открыты. Я ворвался во двор, увидел Агапита, который нёс воду из колодца.

— Агапит! — крикнул я. — Где Серапион?

Агапит обернулся, увидел меня, удивился.

— Мирон? Ты вернулся? Отец Серапион в церкви, но...

Я не дослушал, побежал к церкви.

Серапион стоял у алтаря, молился, когда я ворвался внутрь. Он обернулся, увидел меня, его лицо напряглось.

— Мирон, ты не должен здесь быть, я же сказал...

Я перебил его:

— Отец, мне нужна твоя помощь. Срочно. Это важнее, чем всё остальное.

Серапион замолчал, видя мою решимость.

— Что случилось?

Я выпалил быстро, почти задыхаясь:

— Я нашёл базу ушкуйников. Я говорил со старостой.

Он признался. Авиновы заказали убийство моего отца. Они используют ушкуйников для грабежей. Хранят краденое в нижнем амбаре на своём причале. Княжеский товар. Пушнина с клеймами князя.

Серапион побледнел.

— Мирон, ты... ты уверен?

Я кивнул яростно.

— Уверен. У меня есть свидетель. Гракч, староста ушкуйников. Он даст показания. Но этого недостаточно. Нужно поймать Авиновых с поличным. Сегодня ночью они вывозят партию пушнины. Если княжеский воевода приедет и застанет их с краденым товаром, он арестует их. Без суда.

Серапион медленно кивнул, осмысливая.

— Княжеский воевода... Это центральная власть, он не подчиняется Волостному двору...

— Именно, — сказал я. — Савва не сможет откупиться. Не сможет использовать бюрократию. Это конец Авиновых.

Серапион посмотрел на меня долго.

— Что тебе нужно от меня?

— Гонец, — ответил я. — Нужен быстрый всадник, который доедет до воеводы и приведёт его сюда к ночи. К причалу Авиновых. Там он застанет их за погрузкой краденого.

Серапион задумался.

— У нас есть Фёдор, трудник, он хорошо ездит верхом. Но воевода в столице, это день пути отсюда...

Я покачал головой.

— Не в столице. Я знаю, что княжеские стрельцы патрулируют тракт к северу от Слободы. Там их застава, в двух часах езды отсюда. Если Фёдор поедет туда, найдёт начальника стражи, объяснит ситуацию, они могут прислать отряд к ночи.

Серапион кивнул.

— Хорошо, я пошлю Фёдора. Но Мирон, если ты ошибаешься, если Авиновы не вывезут товар сегодня, стрельцы придут зря, и это навлечёт гнев Воеводы на Обитель.

Я встретил его взгляд.

— Я не ошибаюсь. Гракч сказал точно — сегодня ночью, после полуночи.

Серапион вздохнул.

— Хорошо. Я доверяю тебе. Иди, найди Фёдора, объясни ему, что говорить стрельцам. Я подготовлю письмо от Обители, это придаст весомость его словам.

— Спасибо, отец.

Я развернулся, побежал к воротам.

Фёдор оказался молодым крепким мужиком лет тридцати, с быстрыми глазами и уверенным видом. Он выслушал меня внимательно, кивнул.

— Понял, Мирон. Заставу найду, передам. Письмо от отца Серапиона у меня будет. Стрельцы придут, если начальник поверит.

Он взял письмо, которое Серапион написал на бересте, запечатал воском с печатью Обители, сунул за пояс.

— Поезжай быстро, — сказал я. — Времени мало.

Фёдор кивнул, вскочил на коня, помчался к воротам. Я смотрел, как он исчезает за поворотом дороги.

Первая часть плана в действии. Гонец отправлен. Если Фёдор найдёт стрельцов и убедит начальника, они будут здесь к ночи.

Но оставалась вторая часть.

Если Авиновы вывезут товар раньше, до прибытия стрельцов, доказательств не будет.

Я повернулся к Серапиону, который стоял у ворот.

— Отец, мне нужно следить за причалом Авиновых. Мне нужно знать, когда они начнут грузить товар.

Серапион кивнул.

— Будь осторожен, Мирон. Если Касьян увидит тебя...

— Он не увидит, — ответил я. — Я буду в тени.

Я побежал к реке.

День тянулся мучительно медленно. Я нашёл укрытие на холме, с которого виднелся причал Авиновых — большой, с несколькими амбарами, складами, где стояли телеги, бродили люди.

Я лежал в траве, наблюдая.

Солнце катилось к горизонту. Тени удлинялись. Я ждал.

Стрельцы должны прибыть к полуночи. Если Фёдор нашёл их. Если они поверили. Если они едут сюда.

Слишком много «если».

Сумерки сгустились. На причале зажгли факелы. Я уви-

дел, как появился Касьян — высокий, массивный, он отдавал команды людям, указывал на амбары.

Началось.

Люди открыли нижний амбар — тот самый, о котором говорил Гракч. Начали выносить тюки — большие, тяжёлые, завёрнутые в холст.

Пушнина. Краденая. С княжескими клеймами.

Телеги подъехали к амбару. Люди начали грузить тюки на телеги, аккуратно, быстро.

Где Егорка? Он должен был вернуться с Гракчом.

Шорох сзади. Я обернулся, увидел Егорку, который полз ко мне через траву.

— Мирон, — прошептал он. — Гракч у Серапиона, под охраной Агапита.

— Хорошо. Смотри.

Я показал на причал, где люди продолжали грузить телеги.

— Они вывозят товар. Сейчас. Раньше полуночи.

Егорка побледнел.

— Но стрельцы... они не приедут раньше полуночи, ты же сам сказал...

Я сжал зубы.

Да. Я ошибся. Авиновы начали грузить раньше. Может, Касьян почувствовал опасность. Может, покупатель потребовал раньше. Неважно.

Важно, что если они уедут сейчас, стрельцы приедут на пустое место. Доказательств не будет.

Я посмотрел на телеги — три телеги, уже почти полностью загруженные. Люди закрывали амбар, готовили лошадей.

Минут десять, и они уедут.

Егорка посмотрел на меня.

— Мирон, что делать?

Я смотрел на телеги, на людей, на Касьяна, который стоял у первой телеги, проверяя груз.

Что делать?

Память Глеба подсказывала — диверсия, саботаж, способы задержать отправку груза.

Если колесо сломается, телега не уедет.

Если лошади испугаются, телеги не сдвинутся с места.

Если поднять шум, привлечь внимание, Авиновы могут отложить отправку.

Я посмотрел на Егорку.

— Они не должны уехать. Пока стрельцы в пути... мы сами устроим им задержку.

Егорка уставился на меня.

— Как?

Я огляделся. Причал был у реки. Телеги стояли на помосте. Лошади привязаны к столбам.

Если поджечь сено у конюшни, лошади испугаются, начнётся паника.

Если перерезать упряжь, телеги не смогут двинуться.

Если...

Идея пришла внезапно, безумная, отчаянная.

Если столкнуть телегу в воду, груз намокнет, испортится. Авиновы не смогут его продать. Придётся разгружать, сушить. Это задержит их на часы.

Я посмотрел на помост — он был длинным, тянулся вдоль воды. Телеги стояли на самом краю. Достаточно толкнуть сильно, и они покатятся в реку.

Но до помоста метров пятьдесят открытого пространства. Охрана. Люди.

Мы не доберёмся незамеченными.

Но если создать отвлечение...

Я посмотрел на Егорку.

— Слушай внимательно. Ты пойдёшь к дальнему краю причала, там, где сложены бочки. Подождёшь их. Создашь шум, огонь. Все побегут туда тушить.

Егорка кивнул.

— А ты?

— А я, — сказал я, — пока все будут отвлечены, подберусь к телегам и столкну их в воду.

Егорка побледнел.

— Мирон, это безумие! Если тебя поймают...

— Не поймают, — сказал я твёрдо. — У меня будет минута, не больше. Этого достаточно.

Я посмотрел на причал, где люди заканчивали погрузку.

Сейчас или никогда.

Я повернулся к Егорке.

— Готов?

Егорка вздохнул, затем кивнул.

— Готов.

Мы поползли вниз с холма, в темноту.

Ночь укрыла нас. Мы подобралась к причалу с разных сторон — я с ближней, Егорка с дальней, где были сложены бочки и ящики.

Я лежал за телегой, наблюдая. Касьян отдавал последние команды, люди готовили упряжь. Ещё пара минут, и они тронутся.

Где Егорка? Почему он не поджигает?

И вдруг — вспышка. Огонь взметнулся в дальнем конце причала, лизнул бочки, запрыгал по сухому дереву.

Крики.

— Пожар! Пожар!

Люди бросились к огню. Касьян развернулся, побежал туда же, крича команды.

Сейчас.

Я выскочил из-за телеги, подбежал к первой, схватился за край, толкнул изо всех сил.

Телега стояла тяжело, груз давил. Я упёрся ногами в землю, толкнул снова, сильнее.

Телега качнулась, сдвинулась к краю помоста.

Я толкнул ещё раз.

Телега покатила, набирая скорость, и с глухим всплеском рухнула в воду.

Тюки разлетелись, холст разорвался, вода залила груз.

Я побежал ко второй телеге.

— Эй! — крик сзади. — Кто-то у телег!

Я не оглядывался. Толкнул вторую телегу, она поехала, упала в воду.

Третья.

Шаги за спиной. Грубый голос:

— Стой!

Я толкнул третью телегу изо всех сил.

Она покатилась к краю.

Руки схватили меня за плечи, потащили назад.

Телега упала в воду.

Все три телеги. Весь груз. В реке.

Я вырвался, побежал к краю причала, прыгнул в воду.

Холод обжёг тело. Я нырнул, поплыл под водой, выплыл далеко от причала, за поваленным деревом.

Слышал крики, проклятья, топот ног.

Я выбрался на берег, скрылся в тростнике.

Сделано.

Груз в воде. Телеги разбиты. Авиновы не уедут сегодня.

Стрельцы придут. Найдут их здесь. С доказательствами.

Я лежал в тростнике, тяжело дыша, слушая, как на причале кипит хаос.

Луна вышла из-за облаков, осветила реку.

Последний шанс. Я его не упустил.

Глава 2

Я лежал в тростнике, прислушиваясь к хаосу на причале. Крики, ругань, топот ног — Касьян орал команды, люди бегали, тушили остатки огня, который поджёт Егорка.

Три телеги в воде. Груз намок. Авиновы не смогут вывезти товар быстро.

Но я знал, что это временная задержка. У них были другие телеги, другие лошади. Они могли достать товар из воды, перепаковать, загрузить заново.

Сколько времени это займёт? Час? Два?

Стрельцы придут к полуночи. Сейчас... сколько сейчас времени?

Я посмотрел на небо. Луна стояла высоко, но не в зените. Одиннадцатый час, может быть.

Час до прибытия стрельцов. Если они вообще едут.

Шорох рядом. Егорка выполз из кустов, мокрый, грязный, его лицо было бледным.

— Мирон, — прошептал он. — Ты жив?

Я кивнул.

— Жив. А ты?

— Тоже, — Егорка сел рядом со мной, тяжело дыша. — Я поджёт бочки и убежал, никто не догнал.

Я кивнул, глядя на причал сквозь тростник.

Касьян стоял у края помоста, глядя на телеги в воде. Его

лицо было искажено яростью. Он кричал на людей, указывая на амбар.

Я видел, как люди бежали к амбару, выносили ещё тюки, несли к другим телегам — тем, что стояли дальше от воды.

Они перегружают. У них есть запасные телеги.

— Мирон, — прошептал Егорка. — Они грузят новые телеги. Они всё равно уедут.

Я сжал кулаки.

Да. Я задержал их на полчаса, может быть сорок минут. Но этого недостаточно.

Нужно задержать их ещё.

Я огляделся. Причал Авиновых был большим — склады, амбары, конюшни, ворота, которые вели на дорогу.

Ворота.

Идея пришла внезапно.

Если заблокировать ворота, телеги не смогут выехать.

Я посмотрел на ворота — они были широкими, деревянными, открытыми сейчас. За ними — узкая дорога, которая петляла между деревьями к тракту.

Узкая дорога. Одна телега может заблокировать проезд.

Память Глеба подсказывала — логистический затор, блокировка узкого места, саботаж инфраструктуры.

Если опрокинуть телегу прямо за воротами, на узком участке, остальные телеги не смогут объехать. Им придётся убирать препятствие вручную. Это займёт время.

Я посмотрел на Егорку.

— Нам нужно перекрыть выезд.

Егорка нахмурился.

— Как?

Я показал на ворота.

— Видишь за воротами дорогу? Она узкая. Если мы опрокинем что-то тяжёлое прямо там, телеги не смогут проехать.

Егорка посмотрел, кивнул медленно.

— Но что мы опрокинем? У нас нет телеги.

Я огляделся, ища что-то подходящее.

У конюшни стояла старая телега — без колёс, на подпорках, в ней складывали сено. Рядом лежали брёвна, тяжёлые, длинные.

Брёвна.

Я показал Егорке.

— Вон те брёвна. Если мы перетащим несколько штук на дорогу прямо за воротами, завалим проезд, телеги застрянут.

Егорка посмотрел на брёвна, затем на меня.

— Мирон, они тяжёлые, мы не поднимем их вдвоём.

Я покачал головой.

— Не нужно поднимать. Нужно покатить. Брёвна круглые, они покатаются, если толкнуть.

Я встал, пригнувшись.

— Пойдём. Нужно делать это быстро, пока все заняты перегрузкой.

Мы выползли из тростника, двинулись вдоль края при-

чала, в тени складов. Луна скрылась за облаками, темнота укрывала нас.

Брёвна лежали у конюшни в беспорядке. Я присел рядом с ближайшим, попробовал сдвинуть. Тяжёлое. Дуб, наверное. Метра три в длину, толстое.

Идеально для блокировки.

Егорка присел рядом.

— Как мы его покатым?

Я показал на ворота, которые были метрах в двадцати.

— Мы толкнём его отсюда, по земле, до ворот. Потом вытолкнем на дорогу.

Егорка кивнул.

— Хорошо.

Мы упёрлись в бревно, толкнули. Оно сдвинулось, показилось медленно, тяжело, скрипя по земле.

Я толкал изо всех сил, Егорка рядом, мы двигали бревно метр за метром к воротам.

Тихо. Нужно тихо. Если кто услышит...

Голос сзади:

— Эй! Кто там?!

Я обернулся. Стражник — молодой, с копьём — шёл к нам, прищурившись в темноте.

Проклятье.

Я выпрямился.

— Мы по приказу Касьяна! Брёвна перетаскиваем!

Стражник остановился, колеблясь.

— Какие брёвна? Зачем?

— Для ремонта телег! — выкрикнул я. — Одна сломалась, нужны брёвна для подпорки!

Стражник нахмурился, недоверчиво.

— Я не слышал такого приказа...

Он шагнул ближе, всматриваясь в моё лицо.

— Постой, я тебя не знаю...

Я схватил ближайший обрубок дерева, что лежал у ног, размахнулся, ударил стражника по голове.

Он упал, копьё выпало из рук.

Егорка уставился на меня.

— Мирон!

Я бросил обрубок.

— Не было выбора. Тащи бревно, быстро!

Мы схватились за бревно, покатали его к воротам, быстрее, не обращая внимания на шум.

Вытолкнули его за ворота, на узкую дорогу.

Бревно покатилося, упало поперёк дороги.

Одно.

— Ещё! — крикнул я Егорке. — Нужно ещё!

Мы побежали обратно, схватили второе бревно, потащили к воротам.

Крики позади. Кто-то увидел упавшего стражника.

— Тревога! Саботаж!

Мы толкнули второе бревно на дорогу, оно упало рядом с первым.

Два бревна. Дорога заблокирована.

Я посмотрел на завал. Телеги не проедут. Им придётся убирать брёвна вручную.

Это задержит их ещё на полчаса, может больше.

Топот ног. Голоса. Факелы приближались.

— Бежим! — крикнул я Егорке.

Мы побежали от ворот, в лес, в темноту.

За нами кричали, но мы уже были далеко.

Мы остановились в овраге, тяжело дыша. Я прислушивался — крики стихли, никто не преследовал нас.

Егорка опустился на землю, держась за бок.

— Мирон... что теперь?

Я посмотрел в сторону причала, откуда доносились голоса, проклятья.

Они обнаружили завал. Они будут убирать брёвна. Но это займёт время.

Я посмотрел на небо. Луна клонилась к горизонту.

Полночь близко. Стрельцы должны быть уже в пути.

Если Фёдор нашёл их. Если они поверили. Если они едут.

Я сел рядом с Егоркой.

— Теперь мы ждём.

Егорка посмотрел на меня.

— Ждём чего?

— Ждём, придут ли стрельцы. Или нам придётся бежать очень далеко от Слободы.

Егорка кивнул, прикрыл глаза.

Я сидел, глядя в сторону дороги, где виднелись огни причала Авиновых.

Всё, что я мог сделать, я сделал.

Телеги в воде. Дорога заблокирована. Груз задержан.

Если стрельцы придут сейчас, они застанут Авиновых с краденым товаром. С княжескими клеймами. С доказатель-ствами.

Если не придут...

Я сжал кулаки.

Они придут. Должны прийти.

Тишина растянулась. Только шум ветра в деревьях, далё-кие голоса с причала.

И вдруг — звук.

Далёкий. Но чёткий.

Рог.

Громкий, протяжный, торжественный.

Княжеский рог.

Я вскочил, посмотрел в сторону дороги.

Факелы. Много факелов. Двигутся к причалу.

Конница.

Стрельцы.

Егорка тоже встал, услышав рог.

— Мирон... это они?

Я кивнул, чувствуя, как внутри разливается облегчение.

— Да. Это стрельцы. Они пришли.

Я посмотрел на Егорку.

— Пойдём. Нам нужно быть там, когда они арестуют Касьяна.

Мы побежали к причалу.

Мы с Егоркой бежали через лес, пробираясь между деревьями к причалу. Звук рога всё приближался, теперь слышались голоса, крики команд, топот копыт.

Стрельцы здесь. Они приехали.

Мы вышли на опушку, откуда виднелся причал. Огни факелов освещали хаос — люди Касьяна бегали, кричали, пытались убрать брёвна с дороги. Две новые телеги стояли у амбара, уже загруженные тюками.

И на дороге, ведущей к причалу, — конница. Двадцать всадников, может больше, в княжеских доспехах, с копьями, с факелами. Впереди ехал офицер — высокий, с длинным плащом, его лицо было жёстким, решительным.

Княжеские стрельцы. Воеводская стража.

Я и Егорка спустились ближе, прячась за деревьями, наблюдая.

Офицер подъехал к воротам причала, увидел брёвна, лежащие на дороге, людей Касьяна, которые пытались их убрать.

Он поднял руку, остановив колонну.

— Стой! — крикнул он громко, властно. — Именем княжеского воеводы, это место взято под стражу!

Люди Касьяна замерли, выпуская брёвна. Стрельцы спешились, окружили ворота, копыта наготове.

Касьян вышел из-за телеги, его лицо было красным от ярости.

— Что здесь происходит?! — рявкнул он. — По какому праву вы врываетесь на мой причал?!

Офицер спешился, подошёл к Касьяну, его голос был холодным:

— По праву княжеского воеводы. Мы получили донесение о краже княжеского имущества и государственной измене. Этот причал и все товары на нём изымаются до выяснения обстоятельств.

Касьян побледнел.

— Кража? Измена? Вздор! Кто посмел...

Офицер перебил его:

— Свидетель уже дал показания. Староста ушкуйников Гракч признался, что вы наняли его банду для грабежа судов и хранения краденого товара на этом причале.

Он кивнул на амбар.

— Где хранится краденое? В нижнем амбаре?

Касьян стиснул зубы.

— Это ложь! Клевета! У вас нет доказательств!

— Доказательства мы найдём сейчас.

Он повернулся к стрельцам.

— Общайте амбар! Вскройте все тюки, проверьте клейма!

Стрельцы двинулись к амбару.

Касьян шагнул вперёд.

— Стойте! Вы не имеете права!

Офицер посмотрел на него холодно.

— Имею. И если вы попытаетесь помешать, вас арестуют за сопротивление власти.

Касьян замолчал, сжав кулаки.

Я наблюдал за всем этим, затаив дыхание.

Они обыскивают амбар. Они найдут пушнину. Найдут клейма. Это конец Касьяна.

Стрельцы вошли в амбар, начали выносить тюки, разрезать верёвки, вскрывать холст.

Один стрельцы вскрыл тюк, заглянул внутрь, крикнул:

— Офицер! Здесь меха! Соболь, куница, с клеймами!

Офицер подошёл, взял одну шкурку, развернул её. На коже, у основания хвоста, было выжжено клеймо — княжеская печать, двуглавый орёл.

Княжеское клеймо. Доказательство.

Офицер повернулся к Касьяну, держа шкурку.

— Объясните, откуда на вашем складе княжеская пушнина?

Касьян открыл рот, закрыл, не находя слов.

— Я... я купил её... у торговцев...

Офицер покачал головой.

— У каких торговцев? Назовите имена. Покажите договоры.

Касьян молчал.

Офицер кивнул стрельцам.

— Арестовать его.

Двое стрельцов шагнули к Касьяну, схватили его за руки. Касьян вырвался, оттолкнул одного.

— Не смейте прикасаться ко мне! Я сын Саввы Авинова!

Я...

Офицер ударил его рукоятью меча по лицу. Касьян упал на колени, держась за разбитую губу.

— Ты арестован за хранение краденого княжеского имущества и сопротивление власти, — сказал офицер холодно.
— Связать его.

Стрельцы связали Касьяну руки за спиной, подняли его на ноги.

Я смотрел на всё это, чувствуя, как внутри поднимается ликование.

Касьян арестован. Схвачен. Побездён.

Но вдруг Касьян посмотрел в нашу сторону, туда, где мы с Егоркой прятались за деревьями.

Его глаза сузились.

— Вон там! — крикнул он, кивая головой в нашу сторону.

— Заречный! Это он виноват! Он саботировал мой груз! Он поджёт причал! Арестуйте его!

Офицер обернулся, посмотрел в нашу сторону.

Проклятье.

— Выходите! — крикнул офицер. — Именем воеводы!

Я посмотрел на Егорку. Он был бледным.

— Мирон... что делаем?

Я вздохнул.

— Выходим. Мы свидетели, нам нечего бояться.

Я встал, вышел из-за деревьев, руки поднял, показывая, что не вооружён. Егорка последовал за мной.

Офицер смотрел на нас.

— Кто вы?

Я выпрямился.

— Мирон Заречный, поверенный Обители. И это Егорка, мой помощник. Мы свидетели преступлений Касьяна Авинова.

Касьян рассмеялся яростно.

— Свидетели?! Они саботажники! Они столкнули мои телеги в воду! Они завалили дорогу брёвнами! Они...

Офицер поднял руку, заставляя Касьяна замолчать.

— Тихо.

Он посмотрел на меня.

— Это правда? Вы саботировали груз?

Я кивнул.

— Правда. Но только потому, что груз был краденым. Касьян пытался вывезти княжескую пушнину до вашего прибытия, чтобы уничтожить доказательства. Я задержал его, чтобы вы застали его с поличным.

Офицер нахмурился.

— Вы взяли закон в свои руки.

Я покачал головой.

— Я защищал интересы князя. Если бы я не задержал Ка-

сяна, вы бы приехали на пустое место. Без доказательств.

Офицер смотрел на меня долго, затем медленно кивнул.

— Возможно, вы правы.

Он повернулся к стрельцам.

— Общайте всё. Каждый тук. Каждую бочку. Составьте опись всего краденого.

Стрельцы кивнули, разошлись по причалу.

Касьян смотрел на меня с ненавистью.

— Ты... ты пожалеешь об этом, Заречный... Мой отец... он...

Офицер ударил его снова.

— Молчать.

Он повернулся ко мне.

— Заречный, вы пойдёте со мной. Вам нужно дать полные показания в волостном дворе. Официально.

Я кивнул.

— Готов.

Офицер посмотрел на разгром причала — телеги в воде, брёвна на дороге, хаос, люди Касьяна, стоящие под охраной стрельцов.

— Что за кавардак, — пробормотал он.

— Пути ему перекрыл, чтобы не сбежал.

Офицер посмотрел на меня с уважением.

— Вы в военном деле сильны?

— Я логист.

— Кто? — удивился офицер.

— Неважно. Это было в прошлой жизни.

В жизни Глеба.

Офицер пожал плечами.

— Ну что ж, видно, полезный навык.

Он повернулся к своим людям.

— Двое стрельцов останутся охранять причал. Остальные

— со мной. Ведём арестованного и свидетелей в волостной двор. Савва Авинов должен знать, что его сын арестован за государственную измену.

Стрельцы построились. Касьяна вывели вперёд, связанного. Я и Егорка шли за ними под конвоем.

Я посмотрел на Касьяна — его спину, руки, связанные за спиной, опущенную голову.

Побеждён. Арестован. Это конец его власти.

Но память Глеба подсказывала — это ещё не конец войны.

Савва Авинов богат. Влиятелен. Он попытается откупить сына. Подкупить судей. Использовать связи.

Настоящая битва будет в Волостном дворе. На публичном суде.

Там я должен уничтожить их окончательно.

Мы шли по дороге к Слободе, конвой стрельцов окружал нас. Рассвет начинал светлеть на горизонте.

Новый день начинался.

День суда.

Рассвет окрасил небо в розовые и золотые тона, когда мы подошли к Волостному двору. Массивное каменное зда-

ние стояло в центре Слободы, его башня возвышалась над остальными строениями.

Конвой стрельцов остановился у ворот. Офицер спешил-ся, отдал команды. Касьяна, всё ещё связанного, стащили с лошади, повели внутрь. Я и Егорка следовали за ними.

Внутри Волостного двора было темно и прохладно. Длинные коридоры, каменные стены, факелы в нишах. Нас провели в приёмную залу — большую комнату с высокими потолками, где стоял длинный стол, за которым сидели писари с берестяными свитками.

Офицер подошёл к главному писарю — пожилому мужчине с седой бородой, в добротном кафтане.

— Тимофей Волостной, я полагаю? — сказал офицер.

Тимофей поднял голову, увидел стрельцов, Касьяна в верёвках, нахмурился.

— Я. А вы?

Офицер выпрямился.

— Старший стрелец воеводской стражи, Данила Ратный. Я действую от имени княжеского воеводы по делу о хищении княжеского имущества и государственной измене.

Тимофей побледнел.

— Государственная измена? Это серьёзное обвинение...

Данила кивнул.

— Серьёзное. И доказанное.

Он кивнул стрельцам, те положили на стол несколько шкурок соболя и куницы — те самые, что нашли в амбаре

Касьяна.

— Княжеская пушнина. С официальными клеймами князя. Найдена на складе Касьяна Авинова. Без документов, без разрешения на торговлю княжеским товаром.

Тимофей взял одну шкурку, осмотрел клеймо — двуглавый орёл, выжженный у основания хвоста. Его лицо стало серым.

— Это... это действительно княжеское клеймо...

Данила кивнул.

— Кроме того, у нас есть свидетель — староста ушкунников Гракч, который признался, что работал на Авиновых, грабил суда по их приказу, хранил краденое на их складе.

Он указал на меня.

— И этот человек, Мирон Заречный, даёт показания, подтверждающие схему Авиновых.

Тимофей посмотрел на меня, его глаза сузились.

Он узнал меня. Тот самый писарь, который печатывал коптильни. Который угрожал Серапиону.

Я выпрямился, встретил его взгляд.

Тимофей отвёл глаза, посмотрел на Данилу.

— Что вы требуете?

Данила сложил руки за спиной.

— Касьян Авинов арестован за хищение княжеского имущества, сопротивление власти и государственную измену. Все товары на причале Авиновых изъяты. Причал опечатан и передан под охрану воеводской стражи до решения суда.

Он достал из-за пояса свиток, развернул его.

— Вот приказ воеводы. Волостной двор обязан провести публичное разбирательство дела Авиновых в течение трёх дней. Суд будет открытым, с участием всех заинтересованных сторон.

Тимофей взял свиток, прочитал, его руки дрожали.

— Публичный суд... Но это... это неслыханно...

— Государственная измена — неслыханное преступление. Воевода требует открытости.

Он посмотрел Тимофею в глаза.

— Или у вас есть возражения?

Тимофей сглотнул, покачал головой.

— Нет... нет возражений...

— Хорошо. Касьяна Авинова поместить под стражу в подвалах Волостного двора. Свидетелей — Заречного и его помощника — освободить под личное поручительство.

Он посмотрел на меня.

— Заречный, вы остаётесь в Слободе до суда. Вы главный обвинитель. Ваши показания будут ключевыми.

— Понял.

Данила повернулся к стрельцам.

— Отведите арестованного в камеру.

Стрельцы подхватили Касьяна под руки, потащили к выходу. Касьян обернулся, посмотрел на меня с ненавистью.

— Это ещё не конец, Заречный, — прошипел он. — Мой отец...

Данила ударил его рукоятью меча.

— Молчать.

Касьяна увели.

Тимофей сидел за столом, глядя на княжескую пушнину, разложенную перед ним. Его лицо было мрачным.

Данила подошёл ко мне, говорил тихо:

— Заречный, вы понимаете, что сейчас началось?

— Понимаю. Суд. Публичный. Против Авиновых.

— Савва Авинов — самый богатый и влиятельный человек в Слободе. У него связи, деньги, власть. Он попытается откупить сына, подкупить судей, использовать все рычаги.

Он посмотрел на меня.

— Вы готовы к этой битве?

— Готов. Я разрушил их исключительное право на торговлю, перекрыл их торговые пути, довёл до ареста. Я разрушу их и на суде.

— Уверенность. Хорошо. Но помните: суд — это не торговые дела. Слова, законы, интриги.

Он похлопал меня по плечу.

— Удачи вам, Заречный. Княжеский воевода верит, что вы справитесь.

Он развернулся, вышел из зала, его стрельцы последовали за ним.

Я остался стоять, глядя на стол, где лежала княжеская пушнина — доказательство преступлений Авиновых.

Егорка подошёл ко мне.

— Мирон, мы... мы выиграли?

Я посмотрел на него.

— Мы выиграли битву за улики. Касьян арестован. Доказательства собраны.

Я вздохнул.

— Но это только начало. Савва Авинов не сдастся просто так. Он богат, влиятелен, у него связи в Волостном дворе.

Я посмотрел на Тимофея, который сидел за столом, избегая моего взгляда.

— Он попытается купить судей, купить свидетелей, купить вердикт. Настоящая битва будет на суде.

Егорка кивнул медленно.

— Что нам делать?

Я подумал.

Суд. Публичный суд через три дня. Мне нужно подготовиться. Собрать все факты, всех свидетелей, все доказательства. Построить дело так, чтобы его нельзя было опровергнуть.

Гракч — свидетель. Его показания о том, что Авиновы наняли ушкуйников.

Княжеская пушнина — вещественное доказательство.

Тихон — он может подтвердить, что Авиновы используют бюрократию для уничтожения конкурентов.

Серапион — он может подтвердить давление со стороны Авиновых на Обитель.

Всё это нужно связать воедино. Построить нарратив. Убе-

дительный, логичный, неопровержимый.

Память Глеба подсказывала — судебная стратегия, презентация доказательств, риторика.

Суд — это театр. Нужно убедить не только судей, но и публику. Сделать так, чтобы вся Слобода увидела правду об Авиновых.

Я посмотрел на Егорку.

— Мы готовимся. Собираем всех свидетелей. Репетируем показания. Строим дело.

— Савва Авинов думает, что он может купить вердикт. Но я публично уничтожу его право на власть. Так, чтобы вся Слобода увидела, кто он на самом деле.

— Я с тобой, Мирон.

Я похлопал его по плечу.

— Знаю.

Я посмотрел в окно, где рассвет окончательно разогнал тьму. Новый день. День подготовки.

Три дня до суда.

Три дня, чтобы построить дело, которое уничтожит Авиновых раз и навсегда.

Не через силу. Не через саботаж.

Через закон. Через публичность. Через правду.

Я развернулся и вышел из зала. Егорка последовал за мной.

На улице Слобода просыпалась. Люди выходили из домов, открывали лавки, разжигали печи. Слухи о ночном аре-

сте Касьяна уже разлетелись — я видел, как люди собирались кучками, обсуждали, показывали пальцами на Волостной двор.

Вся Слобода узнает о суде. Все придут посмотреть. Это будет зрелище.

И я устрою им зрелище, которое они не забудут.

Я шёл по улице, чувствуя усталость — не спал всю ночь, бегал, дрался, саботировал. Но внутри горел огонь.

Последняя битва впереди.

Суд системы.

И я выиграю.

Глава 3

Утро было ясным и холодным. Я стоял на причале Авиновых, окружённом стрельцами воеводской стражи. Причал был оцеплен, красные печати висели на воротах амбаров, стражники патрулировали периметр.

Офицер Данила Ратный стоял рядом со мной, его лицо было торжественным. Рядом собралась небольшая толпа — жители Слободы, купцы, любопытные, привлечённые слухами о ночном аресте Касьяна.

Данила поднял руку, призывая к тишине.

— Именем княжеского воеводы, — начал он громко, — я объявляю благодарность Мирону Заречному, поверенному Обители, за бдительность и помощь в поимке преступников!

Толпа зашумела. Я выпрямился, чувствуя на себе десятки взглядов.

Данила продолжал:

— Благодаря его действиям, способ кражи княжеского имущества был раскрыт, виновные арестованы, товары конфискованы. Воевода выражает признательность и надеется на дальнейшее сотрудничество с честными подданными князя.

Он достал из-за пояса мой нож — тот самый, что я потерял в ночь саботажа — и протянул мне.

— Ваше оружие, Заречный. Возвращаю как символ того,

что справедливость восторжествовала.

Я взял нож, кивнул.

— Благодарю, офицер.

Данила усмехнулся, понизив голос так, чтобы слышал только я:

— Вы хорошо поработали. Воевода доволен. Продолжайте в том же духе.

Он отступил, повернулся к стрельцам.

— Грузите изъятые! Везём в столицу, на склады князя!

Стрельцы начали выносить из амбара тюки с пушниной — те самые, с княжескими клеймами. Тюки грузили на телеги, аккуратно, под присмотром писарей, которые вели опись.

Я смотрел на это, чувствуя удовлетворение.

Краденое возвращается князю. Преступники арестованы. Система работает.

Толпа расступилась, пропуская ещё одну телегу. На ней в железных цепях сидел Касьян. Его руки были связаны, лицо мрачное, губа разбита — след удара рукоятью меча.

Телега медленно проехала мимо меня. Касьян повернул голову, посмотрел на меня. В его глазах была ненависть, но и что-то ещё — страх, может быть.

Побеждён. Арестован. В цепях. Везут на суд.

Я смотрел ему вслед, пока телега не скрылась за поворотом дороги.

Егорка подошёл ко мне, его лицо сияло.

— Мирон, мы сделали это! Мы победили!

— Да, Егорка. Мы победили.

Данила подошёл снова, похлопал меня по плечу.

— Заречный, суд будет в столице, через неделю. Вас могут вызвать как свидетеля. Будьте готовы.

— Готов.

Данила кивнул, развернулся, направился к своим людям.

Стрельцы заканчивали погрузку, готовились к отъезду.

Я стоял, глядя на опечатанные амбары, на стрельцов, на толпу, которая расходилась, обсуждая происшедшее.

Справедливость восторжествовала. Система сработала. Центральная власть пришла и наказала преступников.

Касьян арестован. Савва потеряет сына. Их монополия разрушена. Обитель свободна от давления.

Егорка потянул меня за рукав.

— Мирон, пойдём, отметим! Нужно выпить за победу!

— Пойдём.

Мы пошли прочь от причала, через Слободу, где люди смотрели на нас с уважением, кто-то кивал, кто-то благодарил.

Герои. Мы стали героями. Те, кто победили Авиновых.

Память Глеба подсказывала — торжество правосудия, восстановление порядка, награда за труды.

Всё сработало. План сработал. Логистика, саботаж, улики, стрельцы — всё сложилось.

Я чувствовал гордость, усталость, облегчение.

Наконец-то. Всё закончилось. Я могу вернуться к своей

жизни. Восстановить производство. Возобновить торговлю. Начать заново.

Мы дошли до корчмы у торговой площади. Егорка толкнул дверь, мы вошли внутрь. Тепло, запах еды, смех людей.

— Две чарки вина! — крикнул Егорка хозяину. — За счёт героев Слободы!

Хозяин засмеялся, налил вина, принёс чарки.

Мы сели за стол у окна. Егорка поднял чарку.

— За победу! За справедливость! За то, что система работает!

Я поднял свою чарку, чокнулся с ним.

— За победу!

Мы выпили. Вино было крепким, согревало изнутри.

Я откинулся на спинку стула, глядя в окно, где виднелась торговая площадь, люди, которые шли по своим делам.

Всё кончено. Авиновы побеждены. Я свободен.

Егорка налил ещё вина, болтал о чём-то — о том, как он поджигал бочки, как бежал от стражников, как Касьян кричал, когда его связывали.

Я слушал вполуха, кивал, улыбался.

Иллюзия победы. Сладкая, тёплая, обманчивая.

Но где-то глубоко внутри, память Глеба шептала — осторожно. Не всё так просто. Богатые и влиятельные редко проигрывают по-настоящему.

Я отмахнулся от этой мысли.

Касьян арестован. В цепях. Везут на суд. Княжеский вое-

вода контролирует дело. Что может пойти не так?

Я выпил ещё вина, позволяя себе расслабиться.

Два дня отдыха. Потом вернусь к Обители. Поговорю с Серапионом. Начну восстанавливать производство.

Жизнь продолжается.

Егорка смеялся, рассказывал какую-то историю. Я улыбался, поддакивал.

Солнце светило в окно. Слобода жила своей жизнью. Всё было спокойно, нормально.

Победа.

Или то, что я принял за победу.

Два дня прошли быстро. Я отдыхал, восстанавливал силы, спал долго и крепко. Егорка ходил довольный, рассказывал всем в корчме о наших подвигах. Слобода гудела слухами о аресте Касьяна.

На третье утро я вышел на торговую площадь — нужно было купить провизии, поговорить с Серапионом о восстановлении производства.

Площадь была оживлённой — купцы раскладывали товар, покупатели торговались, дети бегали между лотками. Обычный день в Слободе.

Я шёл мимо рыбных рядов, когда увидел его.

Касьян.

Он стоял у лотка с тканями, разговаривал с купцом, осматривал холст. Спокойно, непринуждённо, как будто ничего не случилось.

Без цепей.

Без охраны.

Свободный.

Я замер, не веря своим глазам.

Это невозможно. Его увезли в цепях. Два дня назад. На суд.

Касьян повернулся, увидел меня. Кивнул насмешливо, как старому знакомому.

Я стоял, чувствуя, как внутри всё обрывается.

Как? Как он здесь?

Рука легла мне на плечо. Я обернулся — старик, торговец солью, которого я знал в лицо.

— Заречный, — сказал он тихо. — Не смотри на него так. Опасно.

Я схватил его за рукав.

— Как он здесь? Его же арестовали! Увезли!

Старик покачал головой.

— Слыхал ты новость? Касьян-то не виноват оказался.

Я уставился на него.

— Что?

Старик понизил голос, оглядываясь.

— Мол, это его приказчик самоуправством занимался, а барин, Савва-то, не в курсе был. Один из приказчиков, говорят, без ведома хозяина дела с ушкуйниками проворачивал.

Я почувствовал, как кровь стучит в висках.

— Один из приказчиков? Который?

Старик пожал плечами.

— Не знаю, какой-то мужик. Его в солдаты сдали, говорят. На границу, пожизненно. А Авиновых оштрафовали на сотню серебра — для них плюнуть, конечно.

Он вздохнул.

— Вот и вся справедливость. Богатые всегда выкрутятся.

Я отпустил его рукав, стоял, глядя на Касьяна, который продолжал осматривать ткани, смеялся над чем-то с купцом.

Приказчик. Козёл отпущения. Кто-то принял вину на себя. Кого-то подставили, откупились, сдали в солдаты.

А Касьян свободен.

Савва заплатил. Сто серебра. Смехотворная сумма для такого преступления.

Память Глеба всплыла — коррупция, подкуп судей, сделки за закрытыми дверями, когда богатые покупают свободу, а бедные гниют в тюрьмах.

Но это было так быстро. Два дня. Всего два дня.

Они не просто купили оправдание. Они сделали это мгновенно, цинично, демонстративно.

Я почувствовал, как внутри поднимается ярость.

Все усилия. Вся работа. Саботаж. Риск. Стрельцы. Улики. Всё это — ничто.

Система не просто сработала в пользу Авиновых. Она издевательски быстро их оправдала.

Касьян закончил разговор с купцом, повернулся, медленно пошёл через площадь. Прямо в мою сторону.

Я не двинулся. Стоял, глядя на него.

Касьян подошёл ближе, остановился в нескольких шагах.

— Заречный, — сказал он спокойно, даже дружелюбно.

— Как поживаешь?

Я молчал.

— Удивлён, да? Думал, я гнить буду в подвале?

Он сделал шаг ближе, его голос понизился, стал холоднее.

— Ты хорошо поиграл, мальчишка. Саботаж, стрельцы, улики. Впечатляет. Но ты забыл одну вещь.

Он наклонился ближе.

— Закон — это не правда. Закон — это бумага. А бумагу покупают деньгами. У моего отца денег больше, чем у всей Слободы вместе взятой.

Он выпрямился.

— Ты думал, что можешь изменить порядок? Мы и есть порядок, Заречный.

— Княжеская пушнина. Клейма. Доказательства.

Касьян рассмеялся.

— Доказательства? Приказчик украл. Приказчик виноват. Мы жертвы его обмана. Воевода принял наши объяснения. Дело закрыто.

Он посмотрел на меня насмешливо.

— А ты, Заречный, теперь враг влиятельной семьи. Враг, который ничего не добился, но наделал много шума.

Он повернулся, пошёл прочь.

— До встречи, мальчишка. Скоро увидимся снова.

Он растворился в толпе.

Я стоял посреди площади, чувствуя, как внутри всё горит.

Два дня. Всего два дня понадобилось Савве, чтобы уничтожить всё.

Купить воеводу. Подставить козла отпущения. Закрывать дело.

И Касьян свободен. Как будто ничего не было.

Егорка прибежал, запыхавшись.

— Мирон! Ты видел?! Касьян... он здесь... как он...

Я повернулся к нему.

— Савва откупился. Подкупил воеводу. Подставил кого-то. Дело закрыто.

Егорка побледнел.

— Но... но стрельцы... офицер... он же благодарил тебя...

— Театр. Всё это было театром. Показуха. Воевода взял взятку, арестовал Касьяна для вида, дал мне награду, чтобы я успокоился, а потом тихо всё замял.

— Система работает. Только не так, как я думал. Она работает на тех, у кого деньги.

Егорка смотрел на меня растерянno.

— Что теперь?

Я посмотрел на площадь, где люди торговали, смеялись, жили обычной жизнью, не зная, что справедливость — это иллюзия.

Что теперь?

Я проиграл. Полностью. Абсолютно.

Все усилия — впустую. Все риски — зря. Я думал, что система на моей стороне, но система продаётся.

Память Глеба подсказывала — альтернативные пути, обход системы, информационная война.

Если система куплена, нужно бить не через систему. Нужно другое оружие.

Но какое?

Я посмотрел на Егорку.

— Не знаю, — ответил я честно. — Но я найду способ. Должен быть способ.

Егорка кивнул, хотя в его глазах было сомнение.

Мы пошли прочь с площади. Я оглянулся — там, где стоял Касьян, теперь была пустота. Как будто его и не было.

Призрак. Неприкосновенный призрак, защищённый деньгами и связями.

Но призракам не место в мире людей.

Нужно заставить его уйти.

Мы с Егоркой вернулись в мою комнату в доме у Обители к полудню. Я был разбит, опустошён. Сидел за столом, глядя в окно, не в силах ни думать, ни планировать.

Всё рухнуло. Система продана. Касьян на свободе. Я ничего не достиг.

Егорка молчал, сидя на лавке, его лицо было мрачным.

Стук в дверь. Резкий, официальный.

Я поднял голову.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина в добротном кафтане, с кожаной сумкой через плечо. Лицо каменное, глаза холодные. Мытник — сборщик податей и податель исков.

Я узнал его. Таких в Слободе было несколько, все работали на богатых купцов.

— Мирон Заречный? — спросил он.

— Я.

Мытник вошёл, достал из сумки свёрнутый пергамент, положил на стол передо мной.

— Вам вручается иск. От Касьяна Авинова, сына Саввы Авинова.

Я уставился на пергамент.

— Иск? Какой иск?

Мытник говорил монотонно, как зачитывал заученный текст:

— Иск о разбойном нападении и порче имущества. Обвинение: вы напали на обоз Касьяна Авинова, столкнули три телеги в воду, уничтожили товар, заблокировали дорогу брёвнами, нанесли ущерб на общую сумму пятьдесят рублей серебром.

Он указал на пергамент.

— Требование: возместить ущерб в полном объёме. Срок — две недели. При неуплате — взыскание имущества, арест за долги.

Я медленно взял пергамент, развернул его.

Текст был написан чётко, официально, с печатями Во-

лостного двора. Я узнал почерк Тимофея Писаря.

«Мирон Заречный обвиняется в разбойном нападении на законный обоз купца Касьяна Авинова. В результате нападения уничтожено три телеги, испорчен товар, заблокирован проезд. Ущерб оценён в пятьдесят серебром. Требуется возмещение в полном объёме».

Я опустил пергамент, посмотрел на мытника.

— Это абсурд. Я не нападал на обоз. Я задерживал преступников, которые вывозили краденое.

Мытник пожал плечами.

— Суд решит, кто прав. Но иск официальный. Подан лично Касьяном Авиновым. Принят волостным двором.

Он повернулся к выходу.

— Две недели на уплату. Если не уплатите, придут стражники.

Он вышел, дверь захлопнулась.

Я сидел, держа в руках пергамент, глядя на печати, на подпись Тимофея.

Встречный иск. Контратака.

Они обвиняют меня в том, что я саботировал их обоз. В разбойном нападении.

Пятьдесят серебром.

Егорка встал, подошёл, прочитал через моё плечо.

— Мирон... это... это же ложь! Ты не нападал на них! Ты задерживал преступников!

— Преступников? Егорка, Касьян больше не преступник.

Он жертва своего приказчика. Официально. А я — тот, кто напал на невинного купца и испортил его товар.

Я положил пергамент на стол.

— Они перевернули всё. Сделали меня виновным, а себя — жертвой.

Егорка побледнел.

— Но это... это несправедливо!

Я посмотрел на него.

— Справедливость тут ни при чём. Это закон. Вернее, то, что они называют законом.

Я встал, прошёлся по комнате.

Пятьдесят серебром. У меня осталось пятнадцать — мой вклад как соинвестора. Где взять ещё тридцать пять?

Взять негде. Производство остановлено. Торговля разрушена. Партнёры разбежались.

Если я не уплачу, они арестуют меня. За долги. Я стану их должником, их рабом.

Память Глеба подсказывала — долговая яма, кабала, способ контролировать человека через финансовые обязательства.

Это не просто месть. Это стратегия уничтожения.

Сначала они откупились от обвинений. Потом обвинили меня. Теперь они требуют деньги, которых у меня нет.

Когда я не заплачу, они арестуют меня. И тогда я буду полностью в их власти.

Я остановился у окна, глядя на Слободу.

Савва не просто простил сына. Он дал ему юридический рычаг для моего уничтожения.

Они показали, что закон — это их личная игрушка. Они пишут правила. Они меняют правила. Они используют закон как оружие.

Чтобы победить, нужно сломать сам игровой стол.

Не играть по их правилам. Разрушить правила.

Но как?

Егорка подошёл ко мне.

— Мирон, что будем делать?

Я посмотрел на пергамент, лежащий на столе.

Пятьдесят серебром. Две недели. Арест за долги.

У меня нет денег. Нет производства. Нет союзников.

Касьян выиграл. Полностью.

Я повернулся к Егорке.

— Не знаю, — ответил я честно. — Но я не сдамся. Не сейчас.

Егорка кивнул, хотя в его глазах было отчаяние.

Я сел обратно за стол, взял пергамент, перечитал ещё раз.

«Разбойное нападение». «Порча имущества». «Пятьдесят серебром».

Каждое слово — удар. Каждая фраза — ловушка.

Они сделали меня преступником. Официально. Через бумагу.

Я вспомнил слова Касьяна: «Закон — это бумага. А бумагу покупают деньгами».

Если закон — это бумага, значит, бумагу можно уничтожить.

Или написать свою.

Идея начала формироваться, туманная, опасная.

Если система продана, нужно бить не через систему. Нужно другое оружие.

Информация. Компромат. Правда, которую они скрывают.

Если я не могу победить их в суде, я уничтожу их публично. Через слухи. Через свидетелей. Через тех, кого они обманули.

Я посмотрел на Егорку.

— Егорка, ты знаешь кого-то, кого Касьян обманул? Купцов, торговцев, которым он недоплатил, кинул, обсчитал?

Егорка подумал.

— Знаю. Многих. Касьян всех обманывает, это его способ торговать.

— Нужен список. Имена, суммы, даты. Всё, что ты помнишь.

— Хорошо. Но зачем?

— Потому что если система против меня, я найду тех, кто против системы. Создам свою армию. Из обманутых, обиженных, ограбленных Авиновыми.

Я посмотрел на пергамент.

— Они хотят уничтожить меня через закон. Я уничтожу их через правду.

Егорка медленно улыбнулся.

— Это... это может сработать.

— Должно. Потому что другого выхода у меня нет.

Я взял пергамент, свернул его, положил в сторону.

Пятьдесят серебром. Две недели. Арест.

Я официально должник и обвиняемый.

Но я ещё не мёртв.

И я найду способ перевернуть этот стол.

Ночь была тёмной, безлунной. Мы с Егоркой лежали в кустах на холме, откуда виднелся причал Авиновых. Холод пробирал до костей, но я не двигался, не отрывал глаз от происходящего внизу.

Нужно понять, что они делают. Зачем Савва вернулся на причал ночью.

Егорка прошептал:

— Мирон, смотри. Костёр.

Я увидел.

Огромный костёр горел посреди двора причала, пламя взметалось высоко, освещая фигуры людей. Дым валил густой, чёрный.

Что они жгут?

Я вгляделся пристальнее.

Две фигуры стояли у костра — одна массивная, в дорогом кафтане, с меховой шапкой. Савва Авинов. Я узнал его по осанке, по тому, как он держался — уверенно, властно.

Вторая фигура поменьше, худая, в тёмном плаще. Тимо-

фей-писарь.

Они держали в руках связки папок, документов, свитков. Бумаги. Они жгут бумаги.

Савва кивнул Тимофею. Тимофей подошёл ближе к костру, бросил в огонь целую охапку папок. Пламя вспыхнуло ярче, пожирая бумагу.

Я смотрел, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость.

Записи. Они сжигают записи. Доказательства. Всё, что могло их скомпрометировать.

Егорка прошептал:

— Они уничтожают улики...

Да. Именно это они делают.

Савва и Тимофей работали методично, спокойно. Достали ещё несколько ящиков из амбара, выносили папки, бросали в огонь. Пламя росло, дым становился гуще.

Я различал надписи на некоторых папках — «Учёт промысла», «Торговые книги», «Квиты».

Чёрная бухгалтерия. Настоящие записи их сделок. Недоплаты, обманы, взятки — всё, что они скрывали от официальных проверок.

Память Глеба подсказывала — уничтожение компрометирующих документов, классический способ замести следы.

Они не просто откупились от обвинений. Они уничтожают все физические доказательства своих преступлений.

Я наблюдал, как Тимофей бросал в огонь один свиток за

другим. Бумага сворачивалась, чернела, превращалась в пепел.

Старые квиты. Договоры с ушкуйниками. Записи выплат воеводе. Всё уничтожено.

Савва стоял, глядя на огонь, его лицо было спокойным, даже удовлетворённым.

Он не боится закона. Он боится утечки информации. Он боится, что кто-то найдёт эти бумаги и использует против него.

Поэтому он лично пришёл сюда, чтобы всё сжечь.

Егорка прошептал:

— Мирон, что теперь? Они уничтожают все доказательства...

Я смотрел на костёр, на дым, который поднимался в небо.

Все физические улики уничтожены. Кроме одной — княжеской шкурки, которую забрали стрельцы. Но Савва откупился от того обвинения, подставив приказчика.

Теперь нет ничего. Никаких записей. Никаких документов.

Если дело дойдёт до суда, они скажут: «Наш промысел был чист с самого начала. Никаких нарушений. Никаких связей с ушкуйниками. Это клевета».

И им поверят. Потому что нет доказательств.

Суд будет битвой слова. Моё слово против их слова. Свидетели против свидетелей.

И у них больше денег, чтобы купить свидетелей.

Савва и Тимофей закончили. Последняя папка была брошена в огонь. Они стояли, глядя на пламя, ждали, пока всё сгорит дотла.

Затем Савва повернулся, сказал что-то Тимофею — я не слышал слов, но по жестам понял: они довольны. Работа выполнена.

Они пошли прочь, к дому Саввы, оставив костёр догорать.

Я лежал в кустах, глядя на огонь, на пепел, который разлетался по ветру.

Всё уничтожено. Все записи. Вся правда.

Они переписали историю. Стерли следы.

Егорка посмотрел на меня.

— Мирон... что будем делать?

Я медленно встал, отряхнул одежду.

— Идём. Здесь нам больше нечего делать.

Мы спустились с холма, пошли обратно к Обители.

Егорка молчал, но я чувствовал его отчаяние.

Он думает, что мы проиграли. Что без доказательств мы бессильны.

И он прав. Почти.

Мы шли по тёмной дороге, только звёзды освещали путь.

Я думал.

Савва сжёг бумаги. Но есть то, что нельзя сжечь.

Память.

Люди помнят. Люди знают, что Касьян обманывал их.

Купцы помнят недоплаты. Торговцы помнят обчёты. Рыба-

ки помнят угрозы.

Бумаги можно сжечь. Память — нельзя.

Я остановился посреди дороги, посмотрел на Егорку.

— Егорка, помнишь, я просил тебя составить список обманутых Касьяном?

Егорка кивнул.

— Помню.

— Начинай. Завтра с утра. Найди всех, кого он обманул, обсчитал, недоплатил. Запиши имена, суммы, даты. Всё, что они помнят.

Егорка нахмурился.

— Но зачем? У нас нет доказательств...

— Доказательства — это не только бумаги. Доказательства — это люди. Если десять купцов скажут, что Касьян их обманул, это сильнее любой бумаги.

Я посмотрел в сторону причала, где догорал костёр.

— Савва сжёг записи. Но он не может сжечь людей. И он не может заставить всех молчать. Кто-то заговорит. И тогда вся его система рухнет.

Егорка медленно улыбнулся.

— Ты хочешь создать свидетелей?

— Не создать. Найти. Они уже есть. Нужно только собрать их вместе и дать им голос.

Я пошёл дальше.

— Пойдём. Завтра много работы.

Егорка последовал за мной.

Мы шли по дороге, холод пробирал до костей, но я чувствовал, как внутри разгорается что-то новое.

Решимость.

Савва думает, что сжѐг все улики. Но он ошибается.

Самая опасная улика — это не бумага. Это правда, которую люди хранят в памяти.

И я заставлю эту правду зазвучать.

Утро застало нас в старом сарае за Обителью — полуразрушенном, заброшенном месте, где мы могли говорить, не боясь подслушивания.

Я сидел на сломанной бочке, глядя в пустоту. Егорка стоял у окна, выглядывая наружу.

Иск на пятьдесят серебром. Две недели до ареста. Все физические улики сожжены. Суд куплен. Система против меня.

Я разбит.

Егорка повернулся ко мне.

— Мирон, ты всю ночь не спал. Нужно отдохнуть.

Я покачал головой.

— Некогда отдыхать. Время идёт.

Я встал, прошѐлся по сараю.

Савва сжѐг книги. Все записи уничтожены. Если я пойду в суд, у меня не будет доказательств. Моѐ слово против их слова. И они выиграют.

Но...

Идея начала формироваться, туманная, но ясная.

Книги не для суда. Книги нужны для информации.

Я остановился, посмотрел на Егорку.

— Егорка, я понял. Суд куплен. Но книги мне не нужны для суда.

Егорка нахмурился.

— Тогда зачем?

— Чтобы знать, кого и когда Касьян обманул. Чтобы знать точные суммы, даты, схемы. Это информация. А информация — это оружие.

Я сел обратно, наклонился вперёд.

— Мне нужен кто-то, кто помнит все их обманы наизусть. Кто знает внутреннюю кухню Авиновых. Кто видел книги, работал с цифрами.

Егорка медленно кивнул.

— Ты говоришь о писаре?

— Да. Тимофей Писарь — старший, он верен Савве. Но у него есть помощники. Младшие писари, счётчики, которые ведут черновые записи.

Я посмотрел на Егорку.

— Ты знаешь кого-то из них? Кто-то, кто может быть недоволен Авиновыми?

Егорка задумался, почесал затылок.

— Есть один... Анфим. Молодой, лет двадцати пяти. Он подьячий при Волостном дворе, помогает Тимофею вести счета.

Он присел рядом со мной.

— Мирон, ты же знаешь, какие дела проворачивал Ка-

сьян?

Я покачал головой.

— Знаю в общем. Но мне нужны детали. Цифры.

— Так об этом все знают. Касьян каждому купцу по договору не доплачивал. Где монету, где два серебра. Мелочь, казалось бы, но за год набегало прилично.

Он наклонился ближе.

— А недавно... недавно он провернул дельце с зерном. Большое дело. У него пятьсот серебром пропало с бумаг.

Я выпрямился.

— Пятьсот серебром? Это огромная сумма. Как пропало?

Егорка пожал плечами.

— Не знаю точно. Слухи ходят, что Касьян купил зерно у столичных купцов, обещал перепродать, но зерно куда-то исчезло. Купцы требуют деньги, а Касьян говорит, что зерно украли. Но все знают, что это враньё.

— Пятьсот серебром — это провал. Огромный финансовый провал. Савва в ярости был, говорят, чуть не выгнал Касьяна. Но замяли дело, откупились от купцов частично.

Я слушал, записывая в памяти.

Пятьсот серебром. Провал Касьяна. Это рычаг. Большой рычаг.

— А этот Анфим, — сказал я, — он знает об этой схеме?

— Должен знать. Он же ведёт счета, помогает Тимофею. Все цифры через него идут.

Я задумался.

Анфим. Молодой писарь. Если я завербую его — получу доступ к внутренней информации Авиновых. К цифрам, схемам, слабостям.

Но как завербовать? Что ему предложить?

Я посмотрел на Егорку.

— Ты знаешь что-то личное об Анфиме? Что-то, что может быть его слабостью?

— Знаю. Слышал на улице. Его отца забрали в рекруты за фиктивный долг.

— Фиктивный долг? Кто забрал?

— Авиновы, — ответил Егорка. — Савва Авинов подставил отца Анфима, обвинил в несуществующем долге, добился, чтобы его забрали в солдаты. Пожизненно. На границу.

Он помолчал.

— И это ещё не всё. Невеста Анфима теперь вынуждена работать на Авиновых. В их доме. Прислугой. Савва держит её там как в залоге, чтобы Анфим не бунтовал.

Отец в рекрутах. Невеста в рабстве. Анфим под контролем Саввы.

Он ненавидит Авиновых. Но молчит, потому что боится за семью.

Я посмотрел на Егорку.

— Значит, у Анфима есть мотив. Ненависть. Месть. Он хочет уничтожить Авиновых, но не может, потому что боится.

— Да. Он связан. Как пёс на цепи.

Я встал, начал ходить по сараю.

Два рычага. Карьера и месть.

Карьера: пятьсот серебром, финансовый провал Касьяна. Анфим знает об этом, но его заслуги приписывает себе Тимофей. Анфим в тени, недооценён.

Мсть: отец в рекрутах, невеста в рабстве. Савва разрушил его семью.

Память Глеба подсказывала — вербовка, мотивация, психологическое давление.

Чтобы завербовать Анфима, нужно дать ему то, чего он хочет. Власть, месть, безопасность для семьи.

И показать ему, что я знаю его боль. Что я вижу его.

Я остановился, посмотрел на Егорку.

— Я знаю, как завербовать Анфима. Мне нужно встретиться с ним. Наедине. Без свидетелей.

— Когда?

— Сегодня вечером. Найди его. Скажи, что Мирон Заречный хочет поговорить. О деле, которое может изменить его жизнь.

— Хорошо. Где встретиться?

Я огляделся.

— Здесь. В этом сарае. После заката. Пусть придёт один.

Егорка кивнул, направился к выходу.

— Мирон, — сказал он, остановившись у двери. — Ты уверен, что он согласится?

— Согласится. Потому что я дам ему то, что он хочет

больше всего на свете. Месть.

Егорка ушёл.

Я остался один в сарае, глядя в окно, где солнце поднималось выше.

Анфим — это ключ. Он помнит все схемы Авиновых. Все цифры. Все обманы.

Он — живая книга, которую Савва не смог сжечь.

И я заставлю эту книгу заговорить.

Вечер опустился на Слободу. Я сидел в углу кабака у торгога — тёмного, прокуренного места, где купцы и торговцы обсуждали сделки за кружками эля.

Егорка стоял у входа, на страже. Если кто-то подозрительный придёт, он предупредит.

Я ждал.

Анфим должен прийти. Егорка передал ему сообщение — «Мирон Заречный хочет поговорить о деле, которое изменит твою жизнь».

Если он придёт, значит, заинтересовался. Если нет — придётся искать другой путь.

Дверь открылась. Вошёл молодой мужчина — лет двадцати пяти, худощавый, в чистом, но потёртом кафтане. Лицо умное, настороженное. Глаза быстрые, оценивающие.

Анфим.

Он огляделся, увидел меня, нахмурился. Подошёл к столу, сел напротив.

— Ты Заречный? — спросил он, его голос был холодным,

надменным.

— Я.

Анфим осмотрел меня презрительно, как смотрят на что-то не заслуживающее внимания.

— Я пришёл только потому, что твой мальчишка сказал, что речь идёт о важном деле. У меня мало времени, так что говори быстро.

Высокомерие. Защитная реакция человека, который привык быть недооценённым.

Я наклонился вперёд, мой голос стал тише, но острее.

— Мне нужно поговорить о счёте.

Анфим нахмурился.

— О каком счёте?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— А конкретно о том, что Тимофей Писарь приписал себе твою гениальную схему перераспределения земельного налога за прошлый квартал.

Анфим замер.

Я продолжал, не отводя взгляда:

— Схема принесла пятьсот серебром. Тимофей получил благодарность от Саввы, повышение жалования, признание. А ты получил два медяка.

Я наклонился ещё ближе.

— Ты сидишь на чужой славе, Анфим. Делаешь работу, а лавры достаются другому.

Анфим побледнел, его руки сжались в кулаки на столе.

— Откуда ты... откуда ты знаешь об этом?

— Я знаю многое. Я вижу их порядок. И я вижу, как они используют таких, как ты.

Анфим вскочил, его голос задрожал от ярости.

— Ты не имеешь права...

Я поднял руку, останавливая его.

— Сядь, Анфим. Это ещё не всё.

Анфим колебался, затем медленно сел обратно, его лицо было бледным, глаза горели.

Я понизил голос, сделал его жёстче, холоднее.

— Твоя тщеславная обида — ерунда. Недооценённость, недоплата, чужая слава — это неприятно, но терпимо.

Я наклонился так близко, что Анфим мог видеть каждую черту моего лица.

— Хуже другое. Твоего отца забрали в рекруты за фиктивный долг.

Анфим отшатнулся, как от удара.

— Что ты...

Я не дал ему договорить.

— Савва Авинов подставил его. Придумал долг, которого не было. Добился, чтобы его забрали в солдаты. Пожизненно. На границу.

Я сделал паузу, давая словам дойти.

— Ты — раб Саввы Авинова, Анфим. Он держит тебя на цепи. Твоя невеста работает в его доме. Прислугой. В залог твоего молчания.

Анфим смотрел на меня, его дыхание участилось, в глазах была боль, ярость, страх.

— Ты думаешь, что если замолчишь, он оставит твою невесту в покое? — спросил я тихо, но каждое слово было как удар ножом.

Анфим опустил голову, его руки дрожали.

— Что ты хочешь от меня? — выдохнул он хрипло.

Я откинулся на спинку стула.

— Я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Ты не просто завидуешь Тимофею. Ты ненавидишь Савву за то, что он сделал с твоей семьёй. За унижение. За несправедливость.

Анфим поднял голову, посмотрел на меня. В его глазах была ненависть.

— Да, — сказал он глухо. — Я ненавижу его. Но что я могу сделать? Я — никто. Он — всё.

— Ты не никто. Ты — человек, который знает все их секреты. Ты — человек, который помнит каждую цифру, каждый обман Авиновых.

Я наклонился вперёд.

— Я предлагаю не бегство, а власть.

Анфим уставился на меня.

— Власть?

— У нас есть повод убрать Касьяна и Тимофея. Публично. Через скандал, через правду, которую они скрывают.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Когда они падут, освободятся два тёплых места. Место

приказчика. Место главного писаря.

Я дал словам дойти.

— Ты даёшь нам архив из своей головы. Все схемы, все обманы, все цифры. Мы используем это, чтобы уничтожить их публично.

— А ты становишься законным наследником этого стола. Ты становишься частью новой власти. И твоя семья станет неприкосновенной.

Анфим молчал, его дыхание было тяжёлым.

— Ты обещаешь... ты обещаешь, что моя невеста будет свободна?

— Обещаю. Когда Савва падёт, все его долги и залоги будут аннулированы. Твоя невеста вернётся к тебе. Свободная.

Анфим закрыл глаза, его губы дрожали.

— А мой отец?

— Твоего отца я вернуть не смогу. Рекруты не возвращаются. Но я могу дать тебе месть. Я могу дать тебе власть наказать того, кто разрушил твою семью.

Я посмотрел на него.

— Разве это не то, чего ты хочешь? Мечь?

Анфим открыл глаза, в них была решимость, холодная, жёсткая.

— Да, — сказал он тихо. — Я хочу мести. Я хочу видеть, как Савва падёт.

Он посмотрел на меня.

— Что мне нужно делать?

— Рассказать мне всё. Каждую схему. Каждый обман. Каждую цифру, которую ты помнишь.

Я достал из-за пояса небольшую берестяную дощечку и уголь.

— Мы начнём сейчас. Егорка будет записывать. Ты будешь диктовать.

Анфим кивнул медленно.

— Хорошо. Я расскажу всё.

Он посмотрел на меня, его голос стал тверже.

— Но если ты обманешь меня, если моя невеста пострадает...

Я перебил его:

— Я не обману тебя. Я даю слово.

— Тогда слушай.

Он откинулся на спинку стула, его глаза стали холодными, расчётливыми.

— Касьян Авинов обманул больше двадцати купцов за последние два года. Недоплаты, обчёты, фальшивые квиты. Я помню каждое имя, каждую сумму.

Я кивнул Егорке, который подошёл к столу, сел рядом, взял бересту и уголь.

— Записывай, — сказал я.

Анфим начал диктовать.

— Купец Фёдор из Торжка. Недоплата пятнадцать серебром за партию соли. Квит подделан, дата искажена...

Я слушал, чувствуя, как внутри разгорается удовлетворе-

ние.

Живая книга. Анфим — это живая книга, которую Савва не смог сжечь.

И теперь эта книга заговорила.

Ночь была глубокой. Мы переместились из кабака в полуразрушенный сарай за монастырём — то самое место, где утром я принял решение завербовать Анфима.

Лунный свет пробивался через щели в крыше, освещая наши лица бледными полосами. Холод пробирал до костей, но мы не замечали его.

Анфим сидел на перевёрнутом ящике, говорил быстро, методично, словно освобождаясь от груза, который давил на него годами.

Егорка сидел рядом, записывал на бересте углём, его рука двигалась быстро, скрип угля по бересте был единственным звуком, кроме голоса Анфима.

Я стоял у окна, слушал, запоминал.

— Купец Иван из Костромы, — диктовал Анфим. — Недоплата двадцать серебром за партию льна. Касьян обсчитал его при взвешивании, квит был подписан на меньший вес. Дата: март прошлого года.

Егорка записывал.

— Купец Степан из Новгорода. Недоплата восемь серебром за железо. Касьян заплатил ему неполную сумму, сославшись на «плохое качество товара», хотя железо было отличным. Дата: июнь прошлого года.

Я слушал, считая в уме.

Двадцать купцов. Может, больше. Каждый обманут на сумму от пяти до тридцати серебром.

Это не просто обманы. Это система. Касьян методично обирал каждого торговца, с которым работал.

Анфим продолжал:

— Недоплаченные налоги за судоходство. Касьян вёл двойную бухгалтерию. Официально он платил половину от того, что должен был. Вторую половину присваивал себе. За два года набежало триста серебром.

Егорка поднял голову.

— Триста серебром?!

— Да. Тимофей знал об этом, помогал вести фальшивые записи. За это Касьян платил ему процент.

Коррупция в чистом виде. Присвоение налогов. Подкуп писаря.

Анфим перешёл к следующему пункту:

— Взятки столичным чинам. Касьян регулярно платил откупщикам, которые проверяли торговые суда. Пять серебром раз в квартал каждому. Четыре откупщика. Всего двадцать серебром в квартал.

Он посмотрел на меня.

— Это не считая разовых подарков перед крупными проверками.

Взятки чиновникам. Но не Воеводе. Касьян покупал мелких откупщиков, чтобы они закрывали глаза на его махина-

ции.

Память Глеба подсказывала — это стандартная схема для среднего бизнеса: подкуп низшего звена, чтобы избежать проблем.

Я посмотрел на записи Егорки — береста уже исписана почти полностью.

Это не улики для суда. Суд куплен. Но это — клиенты для информационной войны.

Двадцать обманутых купцов. Если я дам им эту информацию, покажу точные суммы, даты, схемы — они поверят. Они поймут, что их обманули.

И они сами нападут на Савву. Потребуют возмещения. Поднимут шум. Создадут публичный скандал.

А публичный скандал — это то, чего Савва боится больше всего.

Анфим замолчал, его дыхание было тяжёлым. Он посмотрел на меня.

— Это всё, что я помню о купцах и налогах.

— Достаточно.

— Нет. Это ещё не всё.

Он сделал глубокий вдох, его голос понизился до шёпота.

— Есть кое-что ещё. Самое главное.

Я выпрямился, почувствовав напряжение в его голосе.

— Что?

Анфим посмотрел на меня, в его глазах был страх.

— Касьян вёл отдельную тетрадь для ушкунников. Сек-

ретную. Тимофей иногда показывал мне её, когда нужно было сверить цифры.

Он помолчал.

— Согласно этой тетради... ежемесячно десять серебром из общака ушкуйников шли лично Воеводе.

Я замер.

— Что?

— Воеводе. Княжескому воеводе. В обмен на закрытие глаз на их набеги.

Тишина обрушилась на сарай.

Я и Егорка переглянулись.

Воевода. Высшая власть. Представитель князя. Тот, кто должен защищать порядок, наказывать преступников.

Он получал взятки от ушкуйников.

Он был частью схемы.

Егорка прошептал:

— Мирон... это... это государственная измена...

Не просто коррупция. Сговор высшей власти с бандитами. Воевода покрывал ушкуйников. Позволял им грабить суда. За процент.

Память Глеба всплыла — системная коррупция, когда власть и криминал сращиваются, когда нет разницы между законом и беззаконием.

Вот почему Воевода так быстро отпустил Касьяна. Вот почему он принял взятку от Саввы и закрыл дело.

Потому что сам был частью схемы.

Я посмотрел на Анфима.

— Ты уверен? Ты видел эти записи?

— Видел. Несколько раз. Тимофей прятал тетрадь в своём сундуке, но иногда доставал для сверки. Я запомнил цифры. Десять серебром каждый месяц. Два года подряд. Итого — двести сорок серебром Воеводе.

Он посмотрел на меня.

— Это правда, Мирон. Воевода покрывает ушкуйников.

Я сел на ящик, чувствуя, как внутри всё обрывается.

Воевода.

Единственная центральная власть, к которой я обращался. Единственный, кто должен был защитить справедливость.

Он — часть системы. Он — враг.

Егорка посмотрел на меня.

— Мирон, что это значит?

Я медленно поднял голову.

— Это значит, что если я использую эту информацию, Воевода уничтожит нас обоих.

Егорка побледнел.

— Но... но мы же не собирались обвинять Воеводу...

— Неважно. Если мы публично уничтожим Авиновых, используя информацию о взятках ушкуйникам, Воевода поймёт, что мы знаем о его участии. И он убьёт нас, чтобы мы молчали.

Я встал, прошёлся по сараю.

— Воевода — это государство. Если мы станем его врагами, мы станем врагами всей системы.

Анфим сидел тихо, его лицо было бледным.

Я посмотрел на бересту, исписанную Егоркой. Имена купцов. Суммы. Даты. Схемы.

Это петля.

Петля для Авиновых. Петля для Воеводы. И петля для меня.

Я взял бересту, посмотрел на неё.

Если я использую эту информацию, я уничтожу Авиновых. Но Воевода уничтожит меня.

Если я не использую, Касьян выиграет. Я останусь должником, меня арестуют, я стану рабом.

Выбора нет.

Я посмотрел на Егорку.

— Завтра мы начнём информационную войну. Пойдём к купцам, которых обманул Касьян. Дадим им эту информацию. Натравим их на Савву.

— А Воевода?

— Воевода узнает, что мы знаем. И тогда начнётся настоящая игра.

Я свернул бересту, сунул за пояс.

— Игра в тених. Где каждый удар может быть последним.

Анфим встал.

— Мирон, я дал тебе всё, что знал. Теперь моя очередь спросить: ты действительно сможешь уничтожить Савву?

Я посмотрел на него.

— Смогу. Или умру, пытаюсь.

— Тогда удачи тебе. Ты будешь сражаться не только с Саввой. Ты будешь сражаться со всем здешним порядком.

Он пошёл к выходу, остановился у двери.

— И помни: Воевода не прощает предателей.

Он вышел, растворился в ночи.

Я остался стоять, держа в руках свиток с именами, суммами, доказательствами.

Петля. Для всех. Включая меня.

Но другого пути нет.

Если я хочу победить, я должен принять этот риск.

Егорка подошёл ко мне.

— Мирон, ты уверен, что это правильный путь?

Я посмотрел на него.

— Правильного пути нет, Егорка. Есть только путь вперёд.

Я пошёл к выходу.

— Пойдём. Завтра начинается война.

Глава 4

Утро застало меня в том же сарае, где мы встречались с Анфимом. Я не спал всю ночь, сидел у стола, разложив перед собой берестяные листы с записями Егорки.

Имена. Суммы. Даты. Схемы.

Информация. Оружие. Но как его использовать, чтобы не убить себя?

Егорка спал в углу, свернувшись на куче сена. Анфим ушёл ещё ночью, сказал, что вернётся в Волостной двор, чтобы не вызывать подозрений.

Теперь он мой агент. Скрытый. Опасный.

Я взял чистую бересту, начал чертить схему.

Карта угроз.

Память Глеба подсказывала — стратегическое планирование, анализ рисков, оценка противников.

Я написал в центре: МИРОН.

Вокруг — круги. Враги. Угрозы.

Первый круг: САВВА АВИНОВ.

Я записал:

Прямая угроза

Иск на 50 серебром (две недели до ареста)

Финансовый контроль (богатейший человек Слободы)

Политическое влияние (контролирует Волостной Двор через Тимофея)

Цель: уничтожить меня юридически, сделать должником/рабом

Я посмотрел на записи.

Савва — прямая, видимая угроза. Он действует через систему: иски, суды, долги. Его сила — в деньгах и связях.

Слабость: публичный позор. Если его схемы станут известны купцам, он потеряет репутацию. А репутация — основа его бизнеса.

Второй круг: ВОЕВОДА.

Я записал:

Скрытая угроза

Взятки от ушкуйников (240 серебром за 2 года)

Государственная измена (сговор с бандитами)

Формально — единственный источник защиты

Цель: убить меня, если узнаю о его участии

Я сжал уголь.

Воевода — самая опасная угроза. Он представляет центральную власть. Если я стану его врагом, он раздавит меня силой государства.

Но...

Я дописал:

Слабость: боится публичного разоблачения

Если станет известно, что он берёт взятки от ушкуйников, князь казнит его

Поэтому он замаял дело Авиновых — чтобы не всплыла связь с ушкуйниками

Я откинулся, глядя на карту.

Два врага. Савва и Воевода. Оба сильнее меня. Оба могут уничтожить меня в одиночку.

Если я ударю по Савве открыто, Воевода узнает, что я знаю о взятках, и убьёт меня.

Если я попытаюсь разоблачить Воеводу, он убьёт меня раньше, чем информация дойдёт до князя.

Память Глеба шептала — стратегия «разделяй и властвуй», стравливание противников, игра на противоречиях.

Мы не можем ударить по всем сразу.

Я взял уголь, написал крупно:

СТРАТЕГИЯ: СТРАВИТЬ ИХ МЕЖДУ СОБОЙ. ОСТАВАТЬСЯ В ТЕНИ.

Я начал рисовать стрелки между кругами.

Савва и Воевода связаны через ушкуйников. Савва платит ушкуйникам. Ушкуйники платят Воеводе.

Если я разрушу эту связь, они станут врагами.

Я дописал план:

ШАГ 1: Натравить купцов на Савву (утечка информации об обманах)

ШАГ 2: Дать намёк Воеводе, что Савва скрывает от него часть доходов

ШАГ 3: Когда Воевода начнёт давить на Савву, предложить Воеводе «решение проблемы» — конфискацию имущества Авиновых как компенсацию

Я посмотрел на схему.

Воевода — самый хрупкий актив. Он боится публично-го позора больше всего. Если я дам ему понять, что знаю о взятках, но не собираюсь разоблачать, он может стать союзником. Негласным. Временным.

Потому что ему выгодно убрать Савву. Савва знает о взятках. Савва — угроза для Воеводы.

Если Воевода конфискует имущество Авиновых, он обогатится, избавится от свидетеля и заодно решит мою проблему.

Классическая игра. Стравить двух хищников. Пока они дерутся, я выживу.

Егорка зашевелился, проснулся, потянулся.

— Мирон? Ты всю ночь не спал?

— Думал.

Егорка подошёл, посмотрел на бересту с картой.

— Что это?

Я показал на схему.

— Карта войны. Два врага: Савва и Воевода. Оба хотят меня убить. Но если я правильно сыграю, они убьют друг друга.

Егорка нахмурился.

— Как?

Я начал объяснять:

— Савва контролирует Слободу через деньги и связи. Но его репутация зависит от купцов. Если купцы узнают, что он их обманывал, они отвернутся от него.

Я постучал углём по первой записи.

— Мы дадим купцам списки. Анонимно. Точные суммы их недоплат. Они поверят, потому что цифры совпадут с тем, что они помнят.

— Хорошо. А Воевода?

— Воевода боится, что его связь с ушкуйниками всплывёт. Он замаял дело Авиновых именно поэтому. Но теперь мы дадим ему намёк: Савва скрывает доходы от ушкуйников, чтобы не делиться с Воеводой.

Я нарисовал стрелку от Саввы к Воеводе.

— Воевода разозлится. Начнёт давить на Савву. Потребуется отчётности. А я предложу ему выход: изъять в казну имущество Авиновых как наказание за сокрытие налогов.

Егорка медленно улыбнулся.

— Ты хочешь, чтобы Воевода сам уничтожил Савву?

— Именно. Воевода получит деньги. Избавится от свидетеля. И заодно снимет иск с меня, потому что Савва будет уничтожен.

Егорка задумался.

— Но Воевода же поймёт, что ты знаешь о взятках?

— Поймёт. Но я дам ему понять, что не собираюсь разоблачать его. Что мне выгоднее молчать и получить его защиту.

Я посмотрел на Егорку.

— Негласный союз. Он не трогает меня. Я не трогаю его. Мы оба уничтожаем Савву.

Егорка покачал головой.

— Это опасно, Мирон. Очень опасно.

— Все варианты опасны. Это — наименее смертельный. Я встал, свернул бересту с картой.

— Начинаем сегодня. Первый шаг — утечка информации купцам. Ты пойдёшь по кабакам, трактирам. Будешь подслушивать, где собираются купцы, которых обманул Касьян.

— Хорошо. А ты?

Я посмотрел на записи Анфима.

— Я буду готовить списки. Точные, детальные. Имена, суммы, даты. Так, чтобы купцы не могли не поверить.

Я пошёл к выходу.

— И буду думать, как выйти на связь с Воеводой. Осторожно. Через посредника.

Егорка последовал за мной.

— Мирон, а если Воевода не захочет играть? Если он просто убьёт тебя?

Я остановился у двери, посмотрел на него.

— Тогда я умру. Но пока я ему нужен. Потому что я — единственный, кто может дать ему Савву на блюде. Без публичного скандала. Тихо. Чисто.

— Воевода — политик. Он понимает выгоду. И я предложу ему выгоду, от которой он не сможет отказаться.

Я вышел из сарая, в лицо ударил холодный утренний воздух.

Игра началась. Игра в тених, где каждый ход может быть последним.

Но у меня нет выбора.

Только вперёд.

День пролетел в лихорадочной работе. Я сидел в сарае, переписывал информацию Анфима на отдельные берестяные листки — по одному для каждого купца.

Купцу Ивану из Костромы: «Касьян Авинов обманул вас при взвешивании льна в марте прошлого года. Недоплата: двадцать серебром. Квит подписан на меньший вес. Проверьте свои записи».

Купцу Степану из Новгорода: «Касьян заплатил вам неполную сумму за железо в июне прошлого года, сославшись на плохое качество. Недоплата: восемь серебром. Железо было отличным. Вы знаете это».

Я писал медленно, старательно, делая почерк неузнаваемым — ни мой, ни Анфима.

Анонимность — ключ. Если Савва поймёт, откуда утечка, он убьёт источник.

К вечеру у меня было готово двадцать листков. Каждый с точными данными. Суммы. Даты. Детали, которые знали только купец и Касьян.

Когда купец получит это, он поймёт: кто-то изнутри слил информацию. И он поверит, потому что цифры совпадут с его собственными воспоминаниями.

Егорка вернулся в сумерках, его лицо было довольным.

— Мирон, нашёл. Завтра в кабаке «У Медведя» собираются купцы. Из Костромы, Новгорода, Торжка. Они обсуж-

дают торговые дела.

— Отлично. Ты подбросишь эти листки так, чтобы никто не заметил.

Я передал ему пачку.

— Положи на столы, пока хозяин отвлечён. Или передай через трактирщика, сказав, что это от «доброжелателя».

Егорка взял листки, кивнул.

— Сделаю.

Я достал ещё один листок, отдельный.

— А это отнеси Анфиму. Пусть подбросит слух.

Егорка прочитал:

«Савва готовит нового козла отпущения — Тимофея Писаря».

— Удар по верхушке?

— Да. Если Тимофей начнёт бояться, что Савва сдаст его, как раньше сдал приказчика, он запаникует. А паника порождает ошибки.

Я встал, прошёлся по сараю.

— Анфим должен пустить этот слух в кабаках, где бывают писари и счётчики. Шёпотом, как сплетню. Чтобы дошло до Тимофея через третьи руки.

Егорка спрятал листок.

— А что насчёт Воеводы?

Я задумался.

— С Воеводой сложнее. Нужен посредник. Кто-то, кому он доверяет, но кто не связан с Авиновыми напрямую.

Я вспомнил.

— Данила Ратный. Офицер воеводской стражи. Тот, что арестовывал Касьяна. Он честный, служит Воеводе, но не куплен Саввой.

— Как выйдешь на него?

— Через Анфима. Анфим знает, где стрельцы останавливаются, когда приезжают в Слободу. Передаст записку.

Я взял чистую бересту, начал писать:

«Офицеру Даниле Ратному. Авиновы ведут двойные расчеты, чтобы скрыть нечто большее, чем налоги. Проверьте их отчёты Воеводе. Сравните с истинными доходами от судоходства. Разница покажет, сколько они крадут у князя. Доброжелатель».

Я свернул бересту, запечатал воском.

— Передай Анфиму. Пусть подбросит Даниле так, чтобы тот не узнал, от кого.

Егорка взял записку.

— Хорошо. Что дальше?

Я посмотрел в окно, где сумерки сгущались в ночь.

— Дальше ждём. Три удара запущены. Теперь смотрим, как враги отреагируют.

Прошло два дня.

Егорка докладывал каждый вечер.

День первый:

— Мирон, сработало! Купцы получили листки. Я видел, как Иван из Костромы читал, его лицо стало красным. Он

побежал к другим купцам, показывал записку. Они собрались, обсуждали, кричали.

Я слушал, кивая.

— Что говорили?

— Требовали встречи с Саввой. Говорили, что это последняя капля. Что они больше не будут терпеть обманы.

Первый удар сработал. Купцы взбунтовались.

День второй:

— Слух о Тимофее разошёлся. Анфим говорит, что Тимофей слышал его, запаниковал. Начал уничтожать какие-то бумаги в Волостном дворе. Даже те, что должны были идти Воеводе.

Я выпрямился.

— Уничтожает бумаги?

— Да. Анфим видел. Тимофей сжёг несколько отчётов о налоговых сборах. Видимо, боится, что там что-то избыточное.

Паника. Именно то, на что я рассчитывал.

Тимофей в панике уничтожает даже легальные документы, думая, что они могут его подставить. А это создаёт проблемы для Саввы — Воевода не получает отчётов.

— А Данила? Он получил записку?

— Анфим передал. Данила прочитал, нахмурился, сунул за пояс. Больше Анфим не видел.

Третий удар тоже запущен. Теперь Данила донесёт Воеводе о двойной бухгалтерии. Воевода начнёт проверку.

Я встал, прошёлся по сараю.

— Отлично. Все три удара сработали. Теперь начнётся брожение.

Егорка посмотрел на меня.

— А что будет дальше?

— Дальше Савва поймёт, что предатель внутри. Он начнёт искать утечку. Усилит охрану Тимофея. Может, начнёт чистки среди подьячих.

Я посмотрел на Егорку.

— Но он не найдёт источник. Потому что источник — Анфим, а Анфим ведёт себя как самый лояльный писарь.

Егорка кивнул.

— А Воевода?

— Воевода получит донос от Данилы. Начнёт проверку отчётов Авиновых. Обнаружит несоответствия — Тимофей же сжёг часть документов. Воевода разозлится. Начнёт давить на Савву.

— И тогда Савва окажется между двух огней. Купцы требуют возмещения. Воевода требует объяснений. А у него нет ответов.

Егорка улыбнулся.

— Ты стравливаешь их.

— Именно. Пока они дерутся между собой, я остаюсь в тени. Жду подходящего момента, чтобы нанести финальный удар.

Егорка помолчал.

— Мирон, а если Савва догадается, что это ты?

Я посмотрел на него.

— Догадается. Рано или поздно. Но к тому времени он будет слишком занят борьбой с купцами и Воеводой, чтобы добраться до меня.

Я пошёл к выходу.

— А пока — мы продолжаем. Маленькие уколы. Точечные удары. Создаём хаос, не показывая лица.

Егорка последовал за мной.

— Куда идём?

— К Анфиму. Нужно узнать, как Савва отреагировал на бунт купцов. И что Воевода делает с отчётами.

Мы вышли из сарая, растворились в ночи.

Три удара нанесены. Купцы взбунтовались. Тимофей паникует. Воевода начинает проверку.

Брожение началось. Без явного источника. Савва ищет предателя, но не знает, где искать.

Игра идёт по плану.

Пока.

Анфим встретил нас в полутёмном переулке за Волостным Двором. Его лицо было бледным, встревоженным.

— Мирон, Савва понял, — прошептал он. — Предатель внутри. Он знает.

Я выпрямился.

— Как себя повел?

Анфим огляделся, убедился, что никто не подслушивает.

— Сегодня утром был совет. Савва, Касьян, Тимофей. Я слышал через дверь, когда приносил отчёты.

Он сделал глубокий вдох.

— Савва в ярости. Купцы требуют встречи, грозят разорвать все договоренности. Воевода прислал откупщика, требует полные отчёты за два года. А Тимофей не может их дать — он же сжёг часть документов.

План работает. Савва зажат между двух огней.

— Что Савва приказал?

Анфим понизил голос.

— Усилить охрану Тимофея. Приставить двух стражников, которые следят за ним днём и ночью. Чтобы никто не мог к нему подобраться.

Он помолчал.

— И проверить всех подьячих. Допросить, кто имел доступ к записям. Савва подозревает, что кто-то из нас слил информацию купцам.

Я напрягся.

— Тебя проверяли?

— Да. Савва лично задавал вопросы. Я сказал, что ничего не знаю, что работаю только с текущими отчётами, к старым записям доступа не имею.

Он вытер пот со лба.

— Он поверил. Пока. Но если будут ещё утечки, он начнёт копать глубже.

— Понятно. Значит, нужно быть осторожнее. Никаких

новых утечек через тебя. Только через меня и Егорку.

Анфим облегчённо вздохнул.

— Хорошо.

Егорка спросил:

— А что насчёт Касьяна? Как он себя повел?

— Касьян предложил решить проблему силой. Хотел послать людей к купцам, запугать их, чтобы замолчали. Но Савва отказался.

— Отказался? Почему?

Анфим посмотрел на меня.

— Потому что Савва понял: силой проблему не решить. Купцы уже взбунтовались, если их запугать, будет только хуже. Они поднимут ещё больший шум, обратятся к Воеводе напрямую.

Он наклонился ближе.

— Савва решил действовать по-другому. Он сказал: «Нужно найти того, кто стоит за этим. И договориться с ним».

Я замер.

— Договориться?

— Да. Савва думает, что кто-то целенаправленно организовал утечку. Кто-то умный, расчётливый. И этот кто-то хочет чего-то от Авиновых.

Он посмотрел мне в глаза.

— Савва хочет выйти на связь с этим человеком. Предложить сделку.

Интересно. Савва не хочет воевать. Хочет договориться. Он понял, что враг опасен. Что простые методы не срабатывают.

— И что он собирается предложить?

Анфим пожал плечами.

— Не знаю точно. Но Касьян сказал что-то про «мир за молчание».

Мир за молчание. Снять иск. Может, даже предложить работу, деньги.

Савва пытается откупиться. Как всегда. Деньгами.

Но память Глеба подсказывала — это ловушка. Если я приму предложение, Савва узнает, кто я. А потом убьёт, когда сочтёт безопасным.

Нет. Переговоры — это способ выиграть время. Для обеих сторон.

— Хорошо, — сказал я. — Жду, когда Савва выйдет на связь.

Переговорщик пришёл на следующий день.

Я сидел в своей комнате у Обители, когда в дверь постучали. Открыл — на пороге стоял пожилой боярин в дорогом кафтане, с седой бородой, с умными, спокойными глазами.

— Мирон Заречный? — спросил он вежливо.

— Я.

Боярин поклонился.

— Меня зовут Пётр Ростовский. Я пришёл от Саввы Авинова с предложением.

Я жестом пригласил его войти. Он сел за стол, я сел напротив.

Егорка стоял у двери, наблюдая.

Пётр сложил руки на столе, посмотрел на меня внимательно.

— Молодой человек, Савва Авинов уважает вас. Вы показали себя умным, находчивым противником. Но война — это дорого для обеих сторон.

Я молчал, слушал.

Пётр продолжал:

— Савва предлагает мир. Он снимет иск на пятьдесят серебром. Даст вам работу — приказчиком на одном из его причалов, с хорошим жалованием. Вы получите уважение, статус, безопасность.

Он наклонился вперёд.

— Зачем вам эта война, Мирон? Вы молоды, талантливы. У вас впереди вся жизнь. Зачем тратить её на ссору с самым влиятельным человеком Слободы?

— А взамен?

— Взамен вы прекращаете... ваши действия. Утечки информации. Подстрекательство купцов. Всё это прекращается. И вы даёте слово молчать о том, что знаете.

Я откинулся на спинку стула.

Классическое предложение. Деньги и статус в обмен на молчание.

Савва не понимает, что я не хочу денег. Я хочу справед-

ливости.

Я посмотрел на Петра.

— Передайте Савве вопрос.

— Слушаю.

Я наклонился вперёд, мой голос стал холодным, твёрдым.

— Спросите, почему его сын связался с ушкунниками.

Тишина обрушилась на комнату.

Пётр побледнел.

— Что вы...

Я перебил его:

— Спросите, зачем Касьян нанял банду разбойников для грабежа судов. Спросите, почему он хранил краденое княжеское имущество на своём складе. И спросите, кому он платил, чтобы это замалчивалось.

Пётр молчал, его лицо было каменным.

Я продолжал:

— Я не хочу денег, Пётр Ростовский. Я не хочу статуса. Я хочу, чтобы Авиновы ответили за свои преступления.

Я встал.

— Передайте Савве: война продолжается. И она закончится только тогда, когда он потеряет всё, что украл.

Пётр медленно встал, его глаза были холодными.

— Вы делаете ошибку, молодой человек. Савва Авинов не прощает врагов.

— И я не прощаю убийц. Передайте ему это тоже.

Пётр кивнул, развернулся, вышел.

Дверь закрылась.

Егорка посмотрел на меня.

— Мирон, ты отказался от мира. Теперь Савва будет действовать жёстче.

— Знаю. Но если я приму его предложение, он узнает, кто я. И убьёт меня, когда посчитает безопасным.

Я пошёл к окну, посмотрел на Слободу.

— Переговоры — это ловушка. Савва хотел выманить меня, узнать, что я знаю. Я показал ему, что знаю про ушкунников. Теперь он испугается ещё больше.

Егорка задумался.

— А если он пошлёт убийц?

— Пошлёт. Но не сразу. Сначала он попытается замести следы. Усилить охрану Тимофея. Проверить подьячих. Убедиться, что утечка закрыта.

Я повернулся к Егорке.

— А пока он будет это делать, мы нанесём следующий удар.

— Какой?

Я посмотрел на улицу, где вечерело.

— Воевода. Пора выходить на него напрямую. Предложить сделку, которую он не сможет отвергнуть.

— Савва думает, что может меня купить. Но он не знает, что я уже нашёл покупателя на него самого.

Анфим прибежал на следующий день, запыхавшийся, взволнованный. Мы встретились в том же сарае за Обителью.

— Мирон, Тимофей совсем потерял голову, — выдохнул он, присаживаясь на ящик.

Я выпрямился.

— Что случилось?

Анфим вытер пот со лба.

— После того, как Пётр Ростовский вернулся от тебя и доложил Савве о провале переговоров, Савва устроил разнос Тимофею. Обвинил его в том, что утечка произошла из-за его небрежности.

Он сделал глубокий вдох.

— Тимофей испугался. Решил, что Савва действительно готовит его в козлы отпущения. И начал уничтожать документы. Все подряд.

— Все подряд?

— Да. Я видел. Сегодня утром он пришёл в Приказную избу раньше всех. Запер дверь. Я подсмотрел через щель в ставнях.

Он понизил голос.

— Он достал из сундука стопки документов. Квиты, договоры, отчёты. И начал сжигать. Один за другим. Даже не читал — просто бросал в печь.

Егорка присвистнул.

— Он что, сошёл с ума?

Анфим покачал головой.

— Он в панике. Бойтся, что Савва найдёт в этих документах что-то обличающее и использует против него. Поэтому

решил уничтожить всё, что может быть опасным.

Паника делает людей глупыми. Тимофей уничтожает даже то, что не должен трогать.

— А среди этих документов были отчёты для Воеводы?

— Да. Текущие отчёты о налоговых сборах. Те, что должны были уйти Воеводе на этой неделе. Он сжёг и их тоже.

Он посмотрел на меня.

— Я пытался остановить его. Сказал: «Тимофей Петрович, это же отчёты для Воеводы, их нельзя сжигать». Но он крикнул на меня, выгнал из избы.

Я откинулся на спинку стула.

Идеально. Лучше и придумать нельзя.

Тимофей в панике уничтожает легальные документы, которые должны были идти Воеводе. Теперь Воевода не получит отчёты. И начнёт подозревать Авиновых в сокрытии налогов.

Память Глеба подсказывала — каскадные ошибки, когда одна паника порождает другую, а та — третью, и вся система рушится изнутри.

Я посмотрел на Анфима.

— Сколько отчётов он сжёг?

Анфим задумался.

— Три. Может, четыре. Отчёты за три последних месяца. Воевода требовал их к концу недели.

— Хорошо. Теперь скажи: Савва знает, что Тимофей сжёг отчёты для Воеводы?

Анфим покачал головой.

— Нет. Тимофей делал это тайно, утром, когда никого не было. Я единственный, кто видел.

— Отлично. Значит, когда Воевода потребует отчёты, Савва не сможет их дать. И будет вынужден объяснять, почему они исчезли.

Я встал, начал ходить по сараю.

— Воевода уже подозревает Авиновых в двойных расчетах — благодаря нашему намёку через Данилу. Теперь, когда он не получит отчёты, его подозрения усилятся.

Я повернулся к Анфиму.

— Он подумает: либо Тимофей не справляется и потерял документы, либо Авиновы специально что-то скрывают, чтобы утаить часть налогов.

Анфим кивнул медленно.

— И в любом случае Воевода разозлится.

— Именно. А когда он разозлится, он начнёт давить на Савву. Требовать объяснений. Угрожать проверками.

Я остановился, посмотрел на Егорку.

— И тогда Савва окажется в идеальном положении для моего предложения.

Егорка нахмурился.

— Какого предложения?

— Я встречу с Воеводой. Скажу ему, что могу дать ему Савву — со всеми доказательствами его махинаций. Воевода сможет конфисковать имущество Авиновых, обогатиться и

заодно избавиться от свидетеля, который знает о его взятках от ушкунников.

Я посмотрел на Анфима.

— А Тимофей своей паникой создал мне идеальный предлог. Воевода уже злится. Ему нужен виновный. И я дам ему виновного.

Анфим молчал, затем медленно кивнул.

— Ты играешь в очень опасную игру, Мирон.

— Знаю. Но другого выхода нет.

Вечером того же дня к Волостному Двору подъехал всадник в воеводских доспехах. Данила Ратный.

Я наблюдал издалека, спрятавшись за углом здания.

Данила спешил, зашёл внутрь. Через несколько минут вышел вместе с Тимофеем. Лицо Тимофея было бледным, испуганным.

Данила говорил что-то строго, указывая на Тимофея. Тимофей кивал, оправдывался, махал руками.

Затем Данила развернулся, сел на коня, уехал. Тимофей остался стоять, держась за стену, его руки дрожали.

Анфим подошёл ко мне из-за другого угла.

— Видел?

— Что Данила сказал?

— Требовал отчёты. Тимофей пытался объяснить, что они... задержались. Что будут готовы через несколько дней. Данила не поверил. Сказал, что Воевода недоволен. Что если отчёты не поступят к концу недели, будет официальная

проверка.

Отлично. Воевода давит. Тимофей паникует ещё больше. Савва зажат между купцами и Воеводой.

Всё идёт по плану.

Я посмотрел на Анфима.

— Как Савва отреагировал?

Анфим вздохнул.

— Пока не знает. Тимофей боится ему сказать. Но рано или поздно придётся.

Он посмотрел на меня.

— Когда Савва узнает, что Тимофей сжёт отчёты для Воеводы, он придёт в ярость. Может действительно сделать Тимофея козлом отпущения.

— Именно на это я рассчитываю. Когда Савва и Тимофей начнут грызться между собой, порядок Авиновых рухнет изнутри.

Я развернулся.

— А мне останется только подтолкнуть её в правильную сторону. Через Воеводу.

Егорка подошёл.

— Мирон, когда ты пойдёшь к Воеводе?

— Скоро. Нужно выбрать правильный момент. Когда Воевода будет достаточно зол на Савву, но ещё не начнёт проверку.

— Потому что если начнётся проверка, всплывут взятки ушкуйникам. А этого Воевода не хочет.

Я посмотрел на закат.

— Дам ему ещё два-три дня. Пусть Савва помучается. Пусть Тимофей паникует. А потом я приду к Воеводе с предложением, от которого он не сможет отказаться.

— Удачи тебе, Мирон. Ты ходишь по лезвию ножа.

— Всю свою новую жизнь хожу. Привык.

Мы разошлись. Я вернулся в свою комнату, сел у окна, глядя на Слободу, где загорались огни в домах.

Тимофей паникует. Сжигает документы. Воевода не получает отчёты. Подозревает Авиновых в сокрытии налогов.

Савва зажат. Купцы требуют встречи. Воевода требует объяснений. Переговоры со мной провалились.

Всё идёт к развязке.

Осталось нанести финальный удар.

Три дня прошли в напряжённом ожидании. Я не предпринимал новых действий, давая ситуации развиваться самостоятельно.

Анфим докладывал каждый вечер:

докладывал каждый вечер: докладывал каждый вечер: докладывал каждый вечер: докладывал

докладывал каждый вечер:, докладывал как встречи с Саввой. Савва отказался принимать.

докладывал как встречи с Саввой. Савва отказался принимать. новых действий, дава

Система Авиновых трещит. Остался последний толчок.

На четвёртый день утром пришла записка.

Её принёс незнакомый мальчишка, сунул мне в руку и убежал, не дожидаясь ответа.

Я развернул берёсту. Короткий текст, написанный чёткими буквами:

«Рыбацкая избушка на ничейном берегу, версту к северу от Слободы. Сегодня ночью, час после полуночи. Приди один. Воевода».

Я перечитал несколько раз, затем сжёг записку в печи.

Воевода сам вызвал меня. Он знает.

Егорка вошёл, увидел моё лицо.

— Что случилось?

— Воевода хочет встречи. Сегодня ночью.

Егорка побледнел.

— Это ловушка. Он убьёт тебя.

Я покачал головой.

— Если бы хотел убить, не стал бы присылать записку. Просто приказал бы стрельцам схватить меня.

Я встал, начал собираться.

— Он хочет поговорить. Понять, что я знаю. И что хочу.

Егорка схватил меня за рукав.

— Мирон, это опасно. Воевода — не Савва. Он может убить тебя и никто не узнает.

Я посмотрел на него.

— Знаю. Но если я не пойду, он решит, что я боюсь. А значит, опасен. И тогда точно убьёт.

Я положил руку ему на плечо.

— Это единственный шанс договориться. Я должен его использовать.

Ночь была холодной, ясной. Луна освещала дорогу к северу от Слободы. Я шёл пешком, один, как было велено.

Нейтральный берег. Рыбацкая избушка.

Я знал это место — заброшенная хижина, которую использовали рыбаки летом. Зимой она пустовала.

Хорошее место для тайной встречи. Далеко от Слободы. Никаких свидетелей.

Я подошёл к избушке. Дым шёл из трубы — значит, внутри топилась печь.

Воевода уже здесь.

Я толкнул дверь. Она открылась со скрипом.

Внутри было тепло, светло от огня в печи. За столом сидел мужчина в дорогом кафтане, без доспехов, но с мечом на поясе.

Воевода.

Я не видел его раньше, но узнал сразу. Лет сорока пяти, крепкий, с жёстким лицом, короткой седой бородой, холодными серыми глазами.

Он смотрел на меня оценивающе, как смотрят на противника перед поединком.

Я вошёл, закрыл дверь за собой.

— Садись, — сказал Воевода, кивая на стул напротив.

Я сел. Положил руки на стол, показывая, что не вооружён.

— Умно. Показываешь, что пришёл с миром.

Он наклонился вперёд.

— Но мы оба знаем, что здесь, в лесу, спрятаны мои лучники. Если ты попытаешься что-то сделать, они пронзят тебя прежде, чем ты дойдёшь до двери.

— Знаю. Я не собираюсь ничего делать. Я пришёл поговорить.

Воевода откинулся на спинку стула, изучал меня молча.

— Мирон Заречный. Поверенный Обители. Человек, который подрубил под корень державу Авиновых, довёл до ареста Касьяна, и теперь строит козни против Саввы.

— Я знаю про твои игры. Утечки купцам. Слухи про Тимофея. Намёки через Данилу.

Он наклонился вперёд, его голос стал холоднее.

— Вопрос — насколько ты умён. Глупец уже лежал бы на дне реки.

Я встретил его взгляд.

— Я не глупец. И я понимаю, с кем имею дело.

— Тогда объясни мне: зачем ты здесь? Что ты хочешь?

Я сделал паузу, собираясь с мыслями.

Сейчас. Либо я договорюсь, либо умру.

Я выпрямился.

— Я не угроза вашей власти. Я — ваш способ избавиться от Авиновых.

Воевода нахмурился.

— Какой способ?

Я наклонился вперёд.

— Авиновы — свидетели того, что вам неудобно. Они знают о ваших... особых договорённостях. С определёнными людьми.

Я не назвал ушкуйников напрямую, но Воевода понял. Его глаза сузились.

— Продолжай.

— Пока Авиновы существуют, они — угроза. Если их арестуют, они могут заговорить. Если их оставить, они могут начать вредить вам.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Вам нужен благовидный повод забрать их имущество в казну и убрать их с дороги. Без вашего прямого участия. Так, чтобы это выглядело как наказание за обычные преступления.

Воевода молчал, его лицо было непроницаемым.

Я продолжал:

— Я могу дать вам этот повод. Купцы уже взбунтовались. Они готовы подать совместную жалобу на Авиновых за обманы. Если вы поддержите их жалобу, назначите проверку, найдёте нарушения — у вас будет законное основание изъять имущество.

— Авиновы разорены. Их влияние уничтожено. Они больше не угроза вам. А вы обогащаетесь на конфискации и избавляетесь от свидетеля.

Воевода смотрел на меня долго, его пальцы барабанили по столу.

— А что получишь ты?

— Справедливость. Авиновы ответят за убийство моего отца. За преступления, которые они совершили.

Я сделал паузу.

— И свободу. Савва подал на меня иск на пятьдесят се-ребром. Если вы снимите давление с его стороны, я буду сво-боден.

— Ты просишь меня защитить тебя от Саввы?

— Я прошу вас официально снять интерес к этому иску. Не защищать меня — просто не поддерживать Савву. Пусть он попробует довести дело до суда без вашего одобрения.

Воевода задумался.

— А если я откажусь? Если просто убью тебя здесь и сей-час?

— Тогда вы потеряете возможность убрать Авиновых за-конно. И останетесь со свидетелями, которые знают о ваших особых договорённостях.

Я посмотрел ему в глаза.

— Я вам нужен. Живым. Потому что я единственный, кто может дать вам Савву на блюдечке.

Тишина повисла в избушке.

Воевода смотрел на меня, его лицо было каменным.

— Ты смел, мальчишка. Очень смел.

Он встал, прошёлся по избушке.

— Хорошо. Я принимаю твоё предложение. Негласное пе-ремирие.

Он повернулся ко мне.

— Я отзываю интерес к иску Авиновых. Законно снимаю давление. Савва не получит моей поддержки в суде.

Он наклонился, его голос стал жёстким:

— Взамен ты даёшь мне Савву. Сделаешь все так, чтобы купцы подали совместную жалобу. Чтобы у меня был законный повод для ареста их имущества.

— Согласен.

Воевода выпрямился.

— И ещё одно. Ты молчишь о том, что знаешь. Навсегда. Если хоть слово об особых договорённостях выйдет наружу — я найду тебя. Где бы ты ни был.

Он посмотрел мне в глаза.

— Одной ошибки будет достаточно.

— Понял. Я буду молчать.

— Умный мальчик.

Он протянул руку. Я пожал её. Его хватка была крепкой, властной.

— Иди, — сказал он. — И действуй быстро. У меня нет терпения ждать.

Я кивнул, развернулся, вышел из избушки.

Холодный воздух ударил в лицо. Я шёл прочь, чувствуя, как напряжение медленно уходит.

Сделано. Договорился с Воеводой. Негласный союз.

Он снимет давление с иска. Я дам ему Савву.

Осталось довести план до конца.

Но где-то глубоко внутри память Глеба шептала — это опасная игра. Воевода не прощает ошибок. Одно неверное движение — и я мёртв.

Но другого выхода не было.

Только вперёд.

Я вернулся от избушки к рассвету. Шёл долго, обдумывая встречу с Воеводой, просчитывая следующие шаги.

Сделка заключена. Воевода снимет давление с иска. Я дам ему Савву через коллективную жалобу купцов.

Осталось организовать это. Быстро. Воевода не любит ждать.

Слобода ещё спала, когда я дошёл до Обители. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в розовые и золотые тона.

Я подходил к своей комнате, думая о том, как лечь спать на пару часов перед началом работы.

И замер.

Перед калиткой, на стволе старой берёзы, что росла у входа, было что-то чёрное.

Я подошёл ближе, прищурился.

Ворон.

Мёртвый ворон, приколотый к дереву ножом.

Птица висела распластанная, крылья раскинуты, голова свисала. Нож прошёл сквозь грудь, глубоко вонзился в кору берёзы.

Я остановился в нескольких шагах, глядя на это зрелище.

Вестник смерти.

Память двух моих жизней подсказывала: ворон на Руси — символ тёмных сил, смерти, беды. Прибить мёртвого ворона к порогу — это проклятие, угроза.

Я подошёл ближе, рассматривая нож.

Грубая работа. Железный клинок, без украшений, простая деревянная рукоять, обмотанная кожей. Царапины на лезвии, следы долгого использования.

Похож на те, что были у ушкуйников в логове.

Память Мирона всплыла — когда я был в лагере ушкуйников, видел, как они точили такие же ножи, готовились к рейдам.

Я аккуратно вытащил нож из дерева. Ворон упал к моим ногам.

Я повернул нож в руках, изучая.

Не от Саввы. Савва играет в политику, использует суды, переговоры. Это не его стиль.

Это от криминала. От тех, кто действует напрямую.

Я посмотрел на ворона, лежащего на земле.

Сообщение. Демонстрация.

«Мы знаем, где ты живёшь. Мы можем подойти к самому твоему дому. Мы можем достать тебя в любой момент».

Егорка выбежал из соседней комнаты, запыхавшийся.

— Мирон! Я услышал шум... Что это?

Он увидел ворона, побледнел.

— Что... что это значит?

Я поднял нож, показал ему.

— Угроза. От ушкуйников.

Егорка уставился на меня.

— Ушкуйников? Но... но мы же уничтожили их связь с Авиновыми. Гракч арестован. Банда рассеяна.

Я покачал головой.

— Гракч арестован. Но их шайка «Чёрная Щука» больше, чем один человек. Остались другие. И они поняли, что я — тот, кто разрушил их схему.

Я посмотрел на нож.

— Савва, возможно, нанял их. Или они действуют сами, из мести. Неважно.

Я сунул нож за пояс.

— Важно то, что теперь у меня враг не только среди купцов и чиновников. Враг среди бандитов.

Егорка посмотрел на ворона, потом на меня.

— Мирон, это серьёзно. Ушкуйники не играют в игры. Они убивают.

— Знаю.

Я поднял ворона за крыло, понёс к краю участка, бросил в кусты.

Символ убран. Но угроза остаётся.

Я вернулся к Егорке.

— Нужно быть осторожнее. Не ходить одному по ночам. Держаться людных мест днём.

— А что насчёт Воеводы? Он может защитить нас?

— Воевода защитит себя. Не меня. Наша сделка не включает личную охрану.

Я посмотрел на дом, на калитку, где ещё виднелся след от ножа на берёзе.

Ушкуйники знают, где я живу. Они были здесь. Могли убить меня, если бы захотели. Но не убили.

Пока что это только предупреждение.

«Мы видим тебя. Мы ждём. Одна ошибка — и мы придём».

Я повернулся к Егорке.

— Иди, отдыхай. Днём начнём работу с купцами. Нужно организовать коллективную жалобу на Авиновых. Быстро.

Егорка кивнул, но не двинулся с места.

— Мирон, ты уверен, что мы справимся? Савва, Воевода, теперь ещё и ушкуйники... Врагов слишком много.

Я посмотрел на него, положил руку на плечо.

— Справимся. Потому что у нас есть то, чего нет у них.

— Что?

— Правда. И люди, которые готовы за неё бороться.

Я отпустил его плечо.

— Иди. Отдохни. Впереди тяжёлый день.

Егорка кивнул, ушёл.

Я остался стоять у калитки, глядя на след ножа на берёзе.

Метка. Знак смерти.

Память Глеба подсказывала — криминальные структуры не прощают тех, кто разрушает их бизнес. Ушкуйники поте-

ряли схему с Авиновыми, потеряли деньги, потеряли лидера.

Они будут мстить.

Вопрос только — когда.

Я сжал рукоять ножа за поясом.

Два фронта войны. Савва и Воевода — политическая битва. Ушкуйники — физическая угроза.

Нужно закончить с Саввой быстро, пока ушкуйники не нанесли удар.

Потому что если они нападут сейчас, когда я ещё не добил Авиновых, всё рухнет.

Я вошёл в дом, закрыл дверь, запер на засов.

Сел за стол, положил нож перед собой.

Мёртвый ворон. Предупреждение.

Игра стала смертельной. Не переносной, не метафорической.

Реально смертельной.

Я посмотрел в окно, где рассвет разгонял тьму.

Только вперёд. Нет пути назад.

Либо я уничтожу всех врагов, либо они уничтожат меня.

Глава 5

Утро было серым, тревожным. Сквозь маленькие оконца комнаты пробивался тусклый рассвет, освещая стол, на котором лежал нож — тот самый, которым был приколот ворон.

Я сидел, глядя на него, обдумывая план действий.

Один день. Может, меньше. Нужно организовать коллективную жалобу купцов, довести дело до Воеводы, получить официальную защиту.

До того, как ушкуйники нанесут удар.

Дверь скрипнула. Я обернулся.

Агафья стояла на пороге. Её лицо было серым, застывшим, как будто окаменевшим от шока. Глаза сухие, без слёз, но в них была такая боль, что я почувствовал, как внутри всё сжалось.

Она вошла, не говоря ни слова, прошла к ларю в углу комнаты. Открыла его, начала доставать вещи.

Я встал.

— Мам...

Она не обернулась. Её руки двигались методично, механически. Она достала узелок, развернула его на полу. Положила туда краюху хлеба, завёрнутые в ткань монеты, маленькую икону Богородицы.

Она собирается.

Я подошёл ближе.

— Мам, что ты делаешь?

Агафья наконец обернулась. Её голос был ровным, без надрыва, отчего звучал ещё страшнее:

— Сборы займут час. Я схожу к Серапиону, возьму благословение и немного денег на дорогу. Уходим сегодня же.

Я замер.

— Куда ты собралась?

Агафья продолжала складывать вещи.

— Не знаю. В другую слободу. В деревню. Куда угодно. Подальше отсюда.

Я покачал головой.

— Мам, нас везде найдут. У Авиновых руки везде. Бегство — это признание слабости. А в дороге мы будем просто беззащитны.

Агафья остановилась, выпрямилась, повернулась ко мне. В её глазах была холодная, абсолютная решимость.

— Мне плевать, найдут они нас или нет. Но здесь они придут прямо в дом.

Она подошла к столу, указала на нож.

— Я видела этот знак, Мирон. Это не просто угроза. Это метка. Они показали, что им плевать на Воеводу и на твой суд. Им плевать на закон. Им нужна наша жизнь.

Её голос задрожал, но она сдержалась.

— Мы — не бояре! У нас нет дружины, чтобы защищаться от ушкуйников! Ты думаешь, что можешь воевать с ними?

Они убийцы, Мирон! Они режут людей, как скот!

Я смотрел на неё, чувствуя её страх, её боль.

Она права. Мы беззащитны против банды. Если они придут ночью, мы не выживем.

Но память Глеба подсказывала — бегство не решение. Бегство — это смерть, только отложенная.

Агафья вернулась к узелку, продолжала собирать вещи. Её руки дрожали.

— Я не для того молилась, чтобы ты жив остался! — впервые в её голосе прорвалась злость, сильная, материнская. — Я не для того видела смерть, чтобы ты снова лез в петлю, только уже не за долги, а за свою гордыню!

Она повернулась ко мне, в её глазах были слёзы.

— Я не переживу, если ты останешься здесь и с тобой что-то случится! Ты понимаешь? Не переживу!

Она опустила на лавку, закрыла лицо руками.

Я подошёл к ней, присел рядом. Положил руку на её плечо.

— Мам, послушай меня.

Она подняла голову, смотрела на меня сквозь слёзы.

Я говорил спокойно, логично, как учил Глеб:

— Если мы уйдём сейчас, они выиграют. Они заберут дом, причал, лодку. И они будут знать, что ты прячешься, а значит — ты уязвима. Бежать — это подарить им победу.

Агафья покачала головой.

— Мне всё равно, что будет с домом. С причалом. С лод-

кой. Мне важно, чтобы ты был жив.

Я сжал её плечо.

— Я буду жив. Потому что я знаю, как их ударить.

Агафья уставилась на меня.

— Как?

Я встал, прошёлся по комнате.

— Ушкуйники — бандиты. Они сильны, когда действуют в тени. Когда никто не знает, кто они, где они, что делают.

Я повернулся к ней.

— Но если я выведу их на свет, они потеряют силу. Потому что Воевода не может позволить бандитам открыто угрожать людям в его волости. Это подрывает его власть.

Агафья нахмурилась.

— Ты хочешь пойти к Воеводе?

— Да. Я попрошу его прилюдно объявить о защите меня и тебя. Дать нам охрану. Сделать так, чтобы вся Слобода знала: мы под защитой высшей власти.

Я посмотрел на нож.

— Когда ушкуйники поймут, что мы не беззащитны, что к нам приставлены стрельцы, они отступят. Потому что нападение на нас означает войну с Воеводой. А этого они не хотят.

Агафья молчала, её лицо было напряжённым.

— Ты уверен, что Воевода согласится?

— Согласится. Потому что ему выгодно. Я помогаю ему уничтожить Авиновых. А в обмен он даст мне щит — при-

людную защиту.

Я подошёл к ней, присел на корточки, взял её за руки.

— Мам, дай мне один день. Сутки. Я сделаю так, что бояться будут они, а не ты.

Агафья смотрела на меня долго, изучающе. В её глазах была борьба — страх за сына и вера в него.

Наконец она медленно кивнула.

— Один день. Если к закату ты не решишь это, и я не увижу, что они отступили... уходим. Без разговоров.

— Договорились.

Агафья сжала мои руки.

— Обещай мне, Мирон. Обещай, что будешь осторожен.

— Обещаю.

Она отпустила мои руки, встала, пошла к узелку. Развязала его, начала складывать вещи обратно в ларь.

Я смотрел на неё, чувствуя облегчение.

Она дала мне не оправдание, а ультиматум. Один день.

Она права. Но я не могу бежать. Значит, нужно сделать так, чтобы бояться стали они.

Щит должен быть публичным.

Я встал, взял нож со стола, сунул за пояс.

— Иду к Воеводе. Сегодня же.

Агафья обернулась.

— Сейчас?

— Чем быстрее, тем лучше. Каждый час промедления — это риск.

Я подошёл к двери, остановился, посмотрел на неё.

— Закрой дверь на засов. Никого не впускай, кроме меня и Егорки. Я вернусь к вечеру.

Агафья кивнула, её лицо было бледным, но решительным.

Я вышел, закрыл дверь за собой. Услышал, как она за скрипела засовом.

Один день. До заката.

Нужно получить щит от Воеводы. Публичную защиту. Чтобы ушкуйники отступили.

А потом — нанести удар по Авиновым. Быстро. Пока враги не успели опомниться.

Я пошёл прочь, сжимая рукоять ножа за поясом.

Щит и меч. Защита и атака.

Так выигрывают войны.

Я встретился с Егоркой в старом сарае за Обителью — нашем обычном тайном убежище.

Он уже ждал, сидел на ящике, лицо встревоженное.

— Мирон, что случилось? Ты выглядишь... напряжённым.

Я сел напротив, достал бересту и уголь, начал рисовать схему.

— Мать хочет бежать. Дала мне один день — до заката. Если не решу проблему с ушкуйниками, уходим.

Егорка побледнел.

— И что ты будешь делать?

Я рисовал круги на бересте, связывая их стрелками.

— Анализировать угрозу. Находить активы. Использовать

их.

Я написал в центре: УШКУЙНИКИ.

Вокруг — три круга: САВВА, ВОЕВОДА, МИРОН.

— Смотри, — сказал я, указывая углём. — Ушкуйники — это исполнители. Они не действуют сами по себе. Кто-то платит им. Кто-то заказал угрозу.

Я нарисовал стрелку от Саввы к ушкуйникам.

— Савва. Он нанял их. Чтобы запугать меня. Может, даже убить, если переговоры не сработали.

— Понятно. Но как это помогает?

Я нарисовал вторую стрелку — от ушкуйников к Воеводе.

— А вот здесь интересно. Ушкуйники платили Воеводе. Десять серебром в месяц. За закрытие глаз на их рейды.

Я посмотрел на Егорку.

— Значит, Воевода связан с ушкуйниками. Он — часть той же цепи, что и Савва.

— То есть... Савва платит ушкуйникам, ушкуйники платят Воеводе. Они все связаны.

— Именно. И вот в чём моя стратегия.

Я нарисовал третью стрелку, соединяющую Савву и Воеводу.

— Савва не может тронуть меня лично — слишком публично, слишком рискованно. Но он платит разбойникам, которым, в свою очередь, платит Воевода.

Я посмотрел на схему.

— Я должен сравнить их. Заставить Воеводу поверить, что

Савва его подставляет.

— Как?

— Через страх. Воевода боится публичного позора. Боится, что его связь с ушкуйниками всплывёт.

Я наклонился вперёд.

— Я дам ему понять: если я умру от рук ушкуйников, его связь с ними откроется. Но если он защитит меня, даст законную охрану — все останется в тайне.

Егорка уставился на меня.

— Ты хочешь запугивать Воеводу?

Я покачал головой.

— Не запугивать. Предложить сделку. Я уже договорился с ним о том, что дам ему Савву. Теперь я покажу ему, что Савва — угроза не только мне, но и ему самому.

Я нарисовал крестик на круге с надписью «Ушкуйники».

— Ушкуйники, которые платили Воеводе, теперь получили от Саввы заказ на моё убийство. Савва платит им за молчание о доле Воеводы.

Я посмотрел на Егорку.

— Если я умру, правда о связи Воеводы с ушкуйниками выйдет наружу. Есть у меня верный человек. И он явится к князю, если со мной что случится, и все расскажет.

Егорка медленно улыбнулся.

— Хочешь заморочить ему голову? У тебя нет такого человека.

— Воевода этого не знает. Главное — заставить его пове-

ритель, что он есть.

Я встал, начал ходить по сараю.

— Воевода получит от меня сообщение. Не напрямую — через посредника. Через кого-то, кому он не может отказать.

Я остановился.

— Нужен слуга Воеводы. Не стрелец, не офицер. Доверенное лицо. Кто-то, кто имеет личный доступ к нему.

Егорка задумался.

— Я знаю одного. Старик Фома. Он приносит Воеводе еду, убирает покои. Работает у него много лет.

— Отлично. Найди его. Передай ему записку для Воеводы.

Я сел, взял чистую бересту, начал писать:

«Воеводе. Ушкуйники, которые платили вам 10 серебром в месяц, теперь получили от Саввы Авинова заказ на убийство Мирона Заречного. Савва платит им за молчание о вашей доле. Если Мирон умрёт, его верный человек сделает так, что князь все узнает. Но если Воевода защитит Мирона прилюдно, всё останется в тайне. Выбор за вами. У вас час на решение».

Я свернул бересту, запечатал воском.

— Передай Фоме. Скажи, что это срочно. Жизнь и смерть.

Егорка взял записку.

— А если Воевода решит просто убить тебя? Прямо сейчас?

— Не решит. Потому что в записке сказано: князь все

узнает, если я умру.

Я посмотрел на Егорку.

— Воевода испугается. Он поймёт: Савва его подставляет. Использует ушкуйников, которые связаны с Воеводой, чтобы убить меня. А если я умру, Воевода останется единственным подозрительным звеном в цепи.

— Ты стравливаешь их.

— Именно. Воевода поймёт: Савва — не союзник, а угроза. И чтобы защитить себя, Воевода должен защитить меня.

Я сел обратно.

— Когда Воевода получит записку, он вызовет меня. На ничейную землю. Захочет поговорить, понять, насколько серьёзна угроза.

— И там я предложу ему решение. Публичную защиту. Официальную охрану. В обмен на моё молчание и помощь в уничтожении Саввы.

Егорка посмотрел на схему на бересте.

— Это опасно, Мирон. Очень опасно.

— Знаю. Но у меня нет выбора. Агафья дала мне один день. Это единственный способ остановить ушкуйников, не убегая.

Я встал.

— Иди. Найди Фому. Передай записку. Быстро. Время идёт.

Егорка встал, сунул записку за пояс.

— Хорошо. А ты?

— Я буду готовиться к встрече с Воеводой. Продумывать аргументы. Строить план разговора.

Егорка кивнул, пошёл к выходу, остановился у двери.

— Мирон, а если Воевода не поверит? Если решит, что наводишь тень на плетень?

Я посмотрел на него.

— Тогда мне придётся показать ему, что все так и будет. Дать ему доказательство, что все сведения переданы верно-му человеку.

— Серапион. Я попрошу его написать письмо. Запечатать. Сказать, что оно будет отправлено князю, если со мной что-то случится. Воевода уважает Обитель. Он поверит, что Серапион так и сделает.

Егорка медленно улыбнулся.

— Ты всё продумал.

— Всё. Теперь иди. У нас мало времени.

Егорка ушёл.

Я остался один, глядя на схему на бересте.

Стратегия клинка. Использовать страх Воеводы против Саввы. Заставить их бояться друг друга.

А я — в центре. Держу баланс. Управляю игрой.

Память Глеба подсказывала — это опасная тактика. Игра с огнём. Один неверный шаг — и обе стороны обрушатся на меня.

Но другого пути нет.

Только вперёд.

Вызов пришёл через час.

Тот же мальчишка принёс записку:

«Рыбацкая избушка. Сегодня ночью. Час после полуночи.

Приди один».

Я сжёг записку, как и в прошлый раз.

Воевода клюнул. Испугался. Хочет поговорить.

Ночь была холодной, беззвёздной. Я шёл к избушке на нейтральном берегу, оставив Егорку на полпути — как страховку.

— Если не вернусь через два часа, иди к Серапиону, — сказал я ему. — Скажи, чтобы отправлял письмо.

Егорка кивнул, его лицо было бледным.

— Удачи, Мирон.

Я пошёл дальше, один.

Избушка стояла на берегу, тускло освещённая изнутри свечой. Дым шёл из трубы.

Я толкнул дверь, вошёл.

Воевода сидел за простым столом, в обычном кафтане, без парадного наряда. Его лицо было озабоченным, жёстким. Глаза холодные, оценивающие.

Я заметил тень в углу — кто-то стоял там, скрытый полумраком.

Лучники. Как и в прошлый раз.

Воевода не предложил мне сесть. Смотрел на меня молча, долго.

Затем произнёс холодно:

— Ты либо мудрец, либо самоубийца.

Я молчал, встречая его взгляд.

Воевода продолжал:

— Объясни, зачем ты затеял эту игру. Глупец уже лежал бы на дне, но ты жив. Говори. И говори только правду.

— Я здесь, чтобы показать вам настоящую угрозу.

Я сделал паузу.

— Вы знаете, что Авиновы хотят меня устранить за излишки Касьяна. Вы знаете, что они используют для этого ушкунников.

— Это не новость. Савва всегда использовал грязные руки для грязной работы.

— Но вот что вы не знаете.

Я наклонился вперёд, мой голос стал твёрже, холоднее:

— Воевода, вы знаете, что ушкунники платили вам десять серебром каждый месяц. Савва Авинов, заказав мою смерть, платит им, чтобы они молчали о вашей доле.

Воевода замер, его лицо окаменело.

Я продолжал, не отводя взгляда:

— Если меня убьют, доказательство связи Авиновых с ушкунниками через краденый мех исчезнет. А вы останетесь единственным звеном, которое связывает государева мужа с разбойниками.

Тишина обрушилась на избушку.

Воевода смотрел на меня, его дыхание участилось. Впервые я видел, как он меняется в лице. Ярость смешивалась с

паникой.

Он встал резко, его голос был низким, угрожающим:

— Ты смеешь запугивать меня?!

Я покачал головой.

— Я показываю вам настоящего врага.

Я сделал шаг вперёд, мой голос стал жёстче:

— Савва использует ушкуйников не против меня. Он использует их против вас.

Воевода нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

— Подумайте. Если я умру от рук ушкуйников, кто будет виноват? Кто получит вопросы из столицы?

Я наклонился к нему:

— Вы. Потому что на вашей территории безнаказанно творится разбой, убивают людей. Потому что вы не можете с этим справиться. Князь пришлёт дозорщика. Начнётся дознание. И тогда всплывёт всё.

Воевода медленно сел обратно, его лицо было напряжённым.

— Ты говоришь, что Савва готовит мне ловушку?

— Именно. Моя смерть — лишь повод для проверки из столицы. Савва готовит смещение, чтобы поставить своего человека на ваше место.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Савва — не ваш союзник. Он — ваш враг. И он использует меня как приманку, чтобы уничтожить вас.

Воевода молчал долго, его пальцы барабанили по столу.

Затем он произнёс медленно:

— Допустим. Что ты предлагаешь? Я не могу отправить за тобой армию.

— Не нужна армия. Нужен законный повод обезвредить Савву.

Я наклонился вперёд.

— Дайте мне законное место. Назначьте меня вольнонаёмным смотрителем пристаней с правом доклада лично вам. Публично возьмите под защиту.

Воевода нахмурился.

— Зачем?

Я объяснил:

— Тронуть меня теперь — значит объявить войну вам. Савва не пойдёт на это, ему нужен законный вид. Это не защита, это ловушка для него.

— А ушкуйники не посмеют тронуть человека Воеводы. Потому что это будет означать прямое оскорбление государственной власти. И тогда на них начнётся настоящая охота.

Воевода смотрел на меня, оценивая.

— Ты хочешь, чтобы я сделал тебя неприкосновенным?

Я покачал головой.

— Я хочу, чтобы вы сделали меня вашими глазами в делах Авиновых.

Я наклонился ближе.

— Я буду докладывать вам обо всех их действиях. Обо

всех схемах, обманах, нарушениях. Вы получите полную картину их преступлений. И тогда у вас будет легальный повод конфисковать их имущество.

Я посмотрел на него.

— В обмен я получаю публичную защиту. Официальный статус. И Савва больше не сможет использовать против меня ни суды, ни бандитов.

Воевода молчал, его взгляд был тяжёлым, оценивающим. Затем он медленно кивнул.

— Сделка.

Он встал, подошёл ближе.

— Твоя жизнь в обмен на лояльность. Ты будешь моими глазами в делах Авиновых.

Он наклонился, его голос стал угрожающим:

— Но знай: одной ошибки будет достаточно, чтобы я стёр тебя в порошок.

— Понял.

Воевода выпрямился.

— Завтра утром приходи в Волостной двор. Публично. Я объявлю о твоём назначении. Дам тебе охрану — двух стрельцов. Они будут при тебе постоянно.

— Это будет сигнал. Для Саввы. Для ушкуйников. Для всей Слободы. Ты под моей защитой.

— Благодарю.

Воевода развернулся, пошёл к двери, остановился на пороге.

— Мирон Заречный. Ты играешь в опасную игру. Но я вижу, что ты умеешь играть.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Не разочаруй меня.

Он вышел, растворился в ночи.

Я остался стоять в избушке, глядя на дверь.

Сделано. Получил публичный щит от центральной власти.

Официальный статус. Охрана. Защита.

Теперь Савва не может использовать ни суды, ни бандитов. Потому что я — человек Воеводы.

Память Глеба подсказывала — это опасная игра. Я только что продал себя Воеводе. Стал его инструментом. Его глазами.

Но я жив. Агафья будет в безопасности. И у меня есть щит.

Теперь можно взять меч. И нанести финальный удар по Авиновым.

Я вышел из избушки, пошёл обратно к Егорке.

Холодный ветер дул в лицо, но внутри было тепло.

Завтра утром начнётся новая игра. Публичная. На виду у всей Слободы.

И эту игру я выиграю.

Утро было ясным, холодным. Я шёл на Торговую площадь вместе с Егоркой, чувствуя, как внутри всё напряжено, как струна.

Сегодня. Публичное объявление. Щит станет видимым.

Агафья проводила меня до двери, её лицо было бледным, но решительным.

— Ты обещал, — сказала она тихо. — К закату всё решится.

— Решится. Сегодня.

Торговая площадь была полна народу — купцы, торговцы, простой люд. Самое людное место в Слободе.

Именно здесь. На виду у всех.

Мы с Егоркой стояли у края площади, ждали.

— Мирон, ты уверен, что Воевода придёт? — прошептал Егорка.

— Придёт. Ему нужно показаться. Чтобы все видели, что я под его защитой.

Прошло несколько минут. Люди торговались, кричали, смеялись. Обычный день.

Затем по площади прошёл звук — лязг доспехов, топот сапог.

Я обернулся.

Офицер стрельцов Воеводы шёл через площадь. Тот самый, что арестовывал Касьяна. Данила Ратный.

За ним — двое стрельцов с копьями.

Толпа расступалась, затихала. Все смотрели.

Данила подошёл прямо ко мне, остановился. Его лицо было серьёзным, официальным.

Он поднял руку, привлекая внимание толпы.

Затем произнёс громко, так, чтобы все слышали:

— Мирон Заречный!

Я выпрямился.

Данила продолжал, его голос звучал чётко, властно:

— По указу Воеводы за особые заслуги в деле о хищении княжеского имущества ты назначаешься вольнонаёмным Смотрителем пристаней Воеводы!

Тишина обрушилась на площадь.

Все смотрели на меня. Шок, недоумение, удивление на лицах.

Мирон Заречный? Банкрот? Обвиняемый? Назначен Воеводой?

Данила достал из-за пояса свиток — официальный, с печатью Воеводы. Развернул, показал толпе.

— Сей указ даёт Мирону Заречному право досмотра всех пристаней и причалов волости, с докладом лично Воеводе. Кто препятствует его работе — препятствует воле княжеской.

Он повернулся ко мне, протянул свиток.

Я взял его, держал в руках, чувствуя вес бумаги, вес печати.

Щит. Официальный. Публичный.

Данила произнёс тише, но всё ещё достаточно громко:

— По распоряжению Воеводы к тебе приставлены два стрельца. Они будут при тебе постоянно. Для защиты и сопровождения.

Двое стрельцов шагнули вперёд, встали по бокам от меня.

Я посмотрел на них. Молодые, крепкие, с копьями и мечами. Серьёзные лица.

Охрана. Настоящая.

Данила кивнул мне, развернулся, ушёл.

Толпа взорвалась шёпотом, разговорами, криками.

— Мирон Заречный? Смотритель?

— Воевода назначил его?

— Значит, Воевода на его стороне!

— А как же Авиновы?

Я стоял, держа свиток, чувствуя, как все смотрят на меня.

Егорка прошептал:

— Мирон, смотри. Люди Касьяна.

Я обернулся.

У края площади стояли двое мужчин в грубой одежде, с ножами за поясом. Я видел их раньше — они следили за мной последние дни.

Люди Касьяна. Или ушкуйники, нанятые им.

Они смотрели на меня, на стрельцов рядом со мной. Их лица были напряжёнными, встревоженными.

Затем один из них что-то прошептал другому. Они резко развернулись, пошли прочь, исчезли в толпе.

— Они пятятся. Руки прочь. Приказ сверху.

Именно. Тронуть меня теперь — значит тронуть человека Воеводы. Прямое неповиновение центральной власти.

Касьян не посмеет. Ушкуйники не посмеют.

Я свернул свиток, сунул за пояс.

Щит работает. Теперь можно взять меч.

Я повернулся к Егорке.

— Идём к Волостному двору. Начинаем проверку.

— Проверку чего?

— Причальных сборов и грузооборота по причалу Авиновых.

Я начал идти через площадь, стрельцы шли рядом. Толпа расступалась, люди кланялись, смотрели с уважением.

Мой статус изменился. Из изгоя и должника — в защищённого агента центральной власти.

Весть разнесётся по Слободе за час. К вечеру все будут знать: Мирона взял под крыло Воевода.

Я остановился перед дверью избы.

— Сейчас нанесём первый настоящий удар. Против которого они бессильны.

Я толкнул дверь, вошёл.

Внутри было тепло, пахло воском и пергаментом. Громоздкие столы стояли вдоль стен, на них лежали стопки документов, свитков, записей. Свечи освещали помещение тусклым, жёлтым светом.

За столами сидели несколько писцов, склонившись над работой. В углу, за отдельным большим столом, сидел Тимофей Писарь. Его лицо было напряжённым, глаза красными — видимо, не спал последние дни.

Рядом, за меньшим столом, работал Анфим. Он поднял голову, увидел меня, его глаза расширились.

Я не подошёл к Тимофею. Вместо этого я встал в центре помещения, так, чтобы все видели и слышали.

Поднял руку, привлекая внимание.

Писцы поднимали головы, замерли.

Я говорил громко, официально, так, чтобы каждое слово звучало как приказ:

— По поручению Воеводы, я, Смотритель пристаней, начинаю ревизию причальных сборов и грузооборота по причалу Авиновых.

Я достал свиток с печатью, показал всем.

— Мне потребуются копии коносаментов и грузовых ведомостей по их причалу за последний месяц. Подготовьте их к утру.

Тишина.

Тимофей сидел, не двигаясь. Его руки сжались в кулаки на столе, костяшки побелели.

Он не мог запретить. Не мог возразить.

Запрос Смотрителя пристаней — это прямая обязанность, закреплённая указом Воеводы. Запрет был бы открытым неповиновением приказу центральной власти.

Его лицо стало пепельным, в глазах были ярость, бессилие, унижение.

Он понимает. Я использую закон против него. Тот самый закон, который он всю жизнь использовал против других.

Анфим встал из-за своего стола. Его лицо сияло. Он смотрел на меня с нескрываемым восторгом, а на Тимофея — с

презрением.

— Слушаюсь, господин Смотритель! — произнёс он громко, так, чтобы Тимофей слышал каждое слово. — Начну немедленно!

Он подошёл к стеллажу с документами, начал доставать папки, свитки.

— Коносаменты за последний месяц... грузовые ведомости... налоговые квиты...

Он складывал их на стол, методично, с удовольствием.

Тимофей сидел, глядя на него. Его взгляд был убийственным. Но он не мог ничего сделать.

Анфим — его подчинённый. Выполняет приказ Смотрителя. Официально, законно.

Я смотрел на Тимофея, встречая его взгляд.

— Документы нужны мне завтра утром. Все. Без исключений.

Я сделал паузу.

— Если чего-то не хватит, я докладываю Воеводе о сокрытии информации. И тогда начнётся полная проверка. Со стрельцами. С обыском. С арестами.

Тимофей стиснул зубы, но промолчал.

— Благодарю за сотрудничество.

Я развернулся, пошёл к выходу. Стрельцы последовали за мной.

У двери я остановился, обернулся.

Анфим всё ещё складывал документы, его движения бы-

ли быстрыми, довольными. Тимофей сидел, застывший, как статуя.

Я произнёс достаточно громко, чтобы все слышали:

— Тимофей Писарь! Передай Савве Авинову: меч Воеводы коснулся его дел. Законным образом!

Я вышел, закрыл дверь за собой.

На улице было темно, холодно. Я стоял, глядя на звёзды, чувствуя, как внутри всё горит удовлетворением.

Егорка подошёл.

— Ты видел лицо Тимофея? Он был готов убить Анфима взглядом.

— Видел. Но убить не может. Потому что Анфим выполняет законный приказ.

Я пошёл по улице, стрельцы шли рядом.

— Анфим принесёт документы завтра. Я найду в них несоответствия. Двойную бухгалтерию. Недоплаты налогов. Схемы обмана купцов.

— И тогда у Воеводы будет всё, что нужно для конфискации имущества Авиновых.

— А что будет с Тимофеем?

— Тимофей — соучастник. Он вёл двойную бухгалтерию, помогал Авиновым скрывать доходы. Когда всё вскрыется, он падёт вместе с ними.

Я посмотрел на Егорку.

— А Анфим займёт его место. Как главный писарь. Как человек, который помог Воеводе разоблачить коррупцию.

Егорка улыбнулся.

— Ты всё продумал.

— Всё.

Мы шли по улице, мимо домов, где горел свет в окнах. Слобода засыпала.

Я думал о том, что произошло за этот день.

Утром я был изгоем, должником, обвиняемым. К вечеру стал Смотрителем пристаней, под защитой Воеводы, с двумя стрельцами при мне.

Я не забрал их власть. Я показал им, что теперь их власть имеет пределы. И эти пределы — я, защищённый властью, которую они презирают.

Память Глеба подсказывала — это называется институциональной борьбой. Использование самой системы против тех, кто думал, что контролирует её.

Савва владел Слободой через деньги и связи. Тимофей контролировал бюрократию. Касьян использовал силу и угрозы.

Но они не ожидали, что кто-то использует против них закон. Официальный статус. Центральную власть.

И теперь они загнаны в угол.

Я подошёл к дому, где меня ждала Агафья.

Открыл дверь, вошёл.

Агафья сидела за столом, молилась. Увидела меня, вскочила.

— Мирон! Ты...

— Всё решилось. Как обещал. До заката.

Я показал ей свиток с печатью Воеводы.

— Я теперь Смотритель пристаней. Под защитой центральной власти. Со стрельцами при мне.

Агафья взяла свиток, смотрела на печать. Её руки дрожали.

— Это значит... мы в безопасности?

— Да. Люди Касьяна не посмеют тронуть нас. Ушкуйники отступили. Савва больше не может использовать ни суды, ни бандитов.

Агафья опустилась на лавку, закрыла лицо руками. Её плечи задрожали — она плакала. От облегчения.

Я подошёл, положил руку на её плечо.

— Всё хорошо, мам. Мы выжили.

Она подняла голову, смотрела на меня сквозь слёзы.

— Ты сделал это. Ты... ты действительно это сделал.

— Ещё не всё. Но самое страшное позади.

Я сел рядом.

— Завтра начну проверку документов Авиновых. Найду доказательства их преступлений. И тогда Воевода конфискует их имущество.

Агафья вытерла слёзы.

— А ты? Что с тобой будет?

Я задумался.

— Я буду служить Воеводе. Как его глаза в делах причалов. Это опасно, но это даёт защиту.

Я посмотрел на неё.

— И это даёт нам будущее. Когда Авиновы падут, я смогу восстановить наше дело. Вернуть причал. Построить то, что разрушил отец.

Агафья кивнула медленно.

— Хорошо. Я верю тебе.

Она встала, пошла к печи.

— Иди, ложись спать. Ты не спал два дня. Тебе нужны силы.

Я кивнул, встал.

Да. Силы понадобятся. Потому что завтра начинается настоящая битва.

Битва документов, цифр, законов.

Меч против бюрократии.

Я лёг на лавку, закрыл глаза.

Щит получен. Меч обнажён.

Первая кровь пролита.

Осталось нанести финальный удар.

Глава 6

Ночь была глубокой. Я сидел в келье Серапиона — нашем безопасном штабе, где мы обсуждали планы вдали от чужих ушей.

Серапион стоял у окна, его лицо сияло радостью.

— Мирон, это чудо! Воевода назначил тебя Смотрителем! Дал охрану! Ты под защитой центральной власти!

Он повернулся ко мне.

— Господь услышал наши молитвы. Ты спасён.

Я откинулся на спинку стула.

— Не только спасён, отец. Я получил оружие.

Я достал свиток с печатью Воеводы, положил на стол.

— Официальный статус даёт мне право требовать документы. Законно. Без препятствий.

— И ты уже потребовал их?

— Сегодня вечером я потребовал у Тимофея все документы Касьяна за год. Коносаменты, грузовые ведомости, налоговые квиты.

Я наклонился вперёд, мой голос стал увереннее.

— Их начали готовить. Анфим работает всю ночь. Завтра утром я приду, заберу документы, принесу их сюда. И мы будем изучать.

— Найдём все нарушения. Тайные счета. Недоплаты налогов. Приемы обмана купцов. Составим полный отчёт для

Воеводы.

Серапион сел напротив, сложил руки на столе.

— И тогда Воевода конфискует имущество Авиновых?

— Именно. У него будет легальный повод. Документальные доказательства. Он разорит Савву, обогатится сам, и заодно избавится от свидетеля, который знает о его взятках.

— Мы их раздавим. Полностью.

Серапион улыбнулся.

— Ты хорошо сыграл, Мирон. Очень хорошо.

Я чувствовал подъём, уверенность. Всё шло по плану.

Щит получен. Меч в руках. Документы скоро будут у меня. Осталось только изучить их и нанести финальный удар.

В этот момент в дверь постучали — быстро, тревожно.

Я выпрямился.

Серапион встал, подошёл к двери, приоткрыл.

— Кто?

— Анфим, — прошептал голос снаружи. — Пустите, срочно!

Серапион открыл дверь. Анфим вбежал внутрь, его лицо было бледным, испуганным. Он запыхался, видимо, бежал.

— Мирон! — выдохнул он.

Я встал.

— Что случилось?

Анфим закрыл дверь, прислонился к ней, тяжело дыша.

— Ты его взбесил, Рыбец! Ты взбесил Тимофея!

Я нахмурился.

— Объясни.

Анфим подошёл ближе, его голос был напряжённым:

— После того, как ты ушёл, Тимофей сидел молча час. Просто сидел, смотрел в пустоту. Я думал, он сломлен.

Он вытер пот со лба.

— Но потом он поднялся. Позвал меня. И сказал: «Ты думаешь, я дурак? Ты думаешь, я не понимаю, что Заречный хочет сделать?»»

Анфим посмотрел на меня.

— Он понял, Мирон. Он понял, что ты бьёшь по бумагам. Что хочешь найти доказательства и передать Воеводе.

— И что он сказал?

Анфим сглотнул.

— Он сказал: «Мы дадим ему документы. Но он их не вынесет. Не сделает копий. Не запомнит ничего важного».

— Что он имел в виду?

Анфим объяснил быстро:

— Тимофей приказал мне подготовить документы. Все, что ты просил. Но завтра, когда ты придёшь их изучать, он будет стоять над тобой. Лично. Каждую минуту.

Анфим наклонился ближе.

— Он не даст тебе вынести документы. Скажет, что это архив, нельзя выносить за пределы Волостного двора. Таково правило.

— А копии?

Анфим покачал головой.

— Запретит делать выписки. Скажет, что ты можешь только смотреть, проверять, но не копировать. Потому что копирование требует разрешения от владельца — Саввы Авинова.

Ловушка. Юридическая ловушка.

Анфим продолжал:

— Ты сможешь смотреть на документы. Но Тимофей будет следить, чтобы ты не записывал цифры. Не делал выписки. Ничего.

Он посмотрел мне в глаза.

— Это ловушка, Мирон! Ты получишь доступ к документам, но не сможешь ничего с ними сделать!

Тишина повисла в келье.

Серапион смотрел на меня обеспокоенно.

Я стоял, обдумывая.

Тимофей не дурак. Он использует бюрократию против меня. Даёт документы, но делает их бесполезными.

Я не смогу вынести их. Не смогу скопировать. Не смогу даже записать цифры.

Всё, что останется — моя память.

Память Глеба всплыла — фотографическая память, способность запоминать огромные объёмы информации, работать с цифрами в уме.

Но у Мирона такой памяти нет. Обычная, человеческая. Я смогу запомнить какие-то детали, но не всё.

Я посмотрел на Анфима.

— Сколько документов там будет?

Анфим задумался.

— За год? Коносаменты, ведомости, квиты... больше сотни. Может, двести.

Двести документов. Имена, суммы, даты. Невозможно запомнить всё.

Серапион произнёс тихо:

— Мирон, что ты будешь делать?

Я посмотрел на него, затем на Анфима.

— Мне нужна помощь. Не могу запомнить всё один.

Я начал ходить по келье.

— Анфим, ты знаешь документы. Ты работал с ними. Что там самое важное? Что нужно запомнить в первую очередь?

Анфим задумался.

— Имена купцов, которых обманули. Суммы недоплат. Даты сделок.

Он наклонился вперёд.

— Если ты запомнишь хотя бы десять самых крупных обманов, этого будет достаточно. Десять купцов с конкретными суммами и датами — это уже коллективная жалоба.

— Хорошо. Значит, нужно сосредоточиться на крупных суммах. Забыть о мелочах.

Я посмотрел на Анфима.

— А ты можешь помочь? Подсказать, на какие документы смотреть?

— Могу. Я буду там, готовить папки. Смогу незаметно по-

казать тебе нужные.

— Тимофей будет следить за тобой. Но он не будет следить за мной. Я же просто подаю документы.

— Отлично. Значит, работаем вместе.

Я сел обратно за стол.

— Завтра утром я приду. Ты будешь подавать мне документы. Незаметно покажешь самые важные. Я постараюсь запомнить ключевые цифры.

— Хорошо. Но будь осторожен. Тимофей умен. Если заметит, что мы сговорились, он выгонит меня.

— Понял. Будем действовать, не подавая виду.

— Мирон, но даже если ты запомнишь десять имён, этого достаточно?

— Достаточно для коллективной жалобы. Десять купцов, обманутых Авиновыми, с конкретными суммами и датами. Воевода не сможет игнорировать это.

— Это будет сложнее, чем я думал. Но это возможно.

Я посмотрел на Анфима.

— Спасибо, что предупредил. Ты спас план.

— Я на твоей стороне, Мирон. До конца.

Он пошёл к двери.

— Иду обратно. Тимофей не должен заметить моего отсутствия.

Он вышел, закрыл дверь.

Я остался стоять, глядя на свиток с печатью Воеводы.

Иллюзия победы. Я думал, что получил всё. Но Тимофей

поставил новую ловушку.

Бюрократический саботаж. Дать доступ, но сделать его бесполезным.

Серапион посмотрел на меня.

— Ты справишься?

— Справлюсь. Но придётся полагаться на память. И на Анфима.

Я пошёл к выходу.

— Иду спать. Завтра нужна ясная голова. Чтобы запомнить как можно больше.

— Да благословит тебя Господь.

Я вышел из кельи, пошёл домой.

Завтра начинается битва памяти. Битва против бюрократии.

Меч есть. Но использовать его будет сложнее, чем я думал.

Я не ушёл из кельи. Вместо этого развернулся, посмотрел на Серапиона.

— Отец, разбуди Егорку. Пусть приходит сюда. Срочно.

Я сел за стол, начал обдумывать план.

Тимофей поставил ловушку. Но у каждой ловушки есть слабое место.

Он даст мне доступ к документам. Но не даст вынести, не даст скопировать.

Значит, остаётся только память. Моя память и помощь Анфима.

Через несколько минут вошёл Егорка, заспанный, взъерошенный.

— Мирон? Что случилось?

Я жестом показал ему сесть.

— Тимофей поставил ловушку. Завтра я получу доступ к документам, но не смогу их вынести или скопировать. Только смотреть.

Егорка нахмурился.

— Тогда как ты соберёшь доказательства?

— Буду запоминать. Но не могу запомнить всё. Двести документов — это слишком много.

Я наклонился вперёд.

— Мне нужны только самые грязные дела. Самые крупные обманы. Те, что невозможно оправдать.

Я взял чистую бересту, начал рисовать схему.

— Смотрите. Завтра утром я прихожу в Волостной двор. Тимофей даёт мне документы. Но стоит надо мной, следит.

Я нарисовал три фигуры: я, Тимофей, Анфим.

— Анфим подаёт документы. Он знает, какие из них важны, какие — пустышки. Но он не может мне сказать напрямую. Тимофей услышит.

Я посмотрел на Егорку.

— Значит, нужны сигналы. Скрытые. Чтобы Анфим показал мне, какие документы читать, а какие — игнорировать.

— Какие сигналы?

— Простые. Незаметные. Что-то, что Тимофей не заме-

тит, но я пойму.

Я начал обдумывать варианты.

Руки. Жесты. Движения.

Память Глеба подсказывала — невербальная коммуникация, язык тела, микросигналы.

— Руки. Анфим будет подавать документы и «поправлять» их на столе. Если поправляет левой рукой — это пустышка, отвод глаз. Если правой — читай и запоминай, это улика.

— Просто и незаметно.

— А если Тимофей заметит?

Я покачал головой.

— Не заметит. Поправить свиток на столе — естественное движение. Тимофей будет смотреть на меня, не на Анфима.

— Анфим сказал, что подготовит три самых важных дела. Три крупных купца, обманутых Авиновыми.

Я посмотрел на Егорку.

— Он положит их поверх остальных. Как будто для удобства. И когда я начну их читать, он поправит их правой рукой. Сигнал: это важно.

— А остальные?

— Остальные он будет подавать и поправлять левой. Я буду делать вид, что читаю, но на самом деле — быстро прогляжу. Сберегу время и память на важное.

— Это может сработать. Но нужно быть очень осторожным.

— Понимаю. Тимофей умён. Он будет следить за каждым моим движением. Может, даже Касьян придёт, чтобы поглотиться.

Я сел обратно.

— Поэтому я должен вести себя естественно. Не показывать, что получаю сигналы от Анфима. Читать все документы одинаково медленно. Останавливаться. Задавать вопросы Тимофею.

— Отвлекать его внимание.

— Именно. Пока я читаю «пустышки», я буду задавать Тимофею пустые вопросы. Отвлекать его. А когда Анфим даст сигнал «это важно» — буду читать молча, сосредоточенно, запоминать каждую цифру.

Я посмотрел на Серапиона.

— А после того, как я выйду из Волостного двора, сразу приду сюда. И запишу всё, что запомнил. Пока свежо в памяти.

— Я приготовлю бересту и уголь. Будем записывать.

— Хорошо. План есть.

Я встал, подошёл к окну, посмотрел на ночное небо.

— Три крупных купца. Три дела с конкретными суммами и датами. Этого достаточно для коллективной жалобы.

Я повернулся к Егорке и Серапиону.

— Когда у меня будут имена и цифры, я пойду к этим купцам лично. Расскажу им, что знаю. Покажу, что у меня есть информация об их обмане.

— И они поверят?

— Поверят. Потому что я назову точные суммы и даты. Они узнают свои собственные сделки. И поймут: у меня есть доступ к внутренним документам Авиновых.

Я сел обратно.

— Тогда я предложу им объединиться. Подать коллективную жалобу Воеводе. Три влиятельных купца, обманутых Авиновыми. Воевода не сможет игнорировать это.

— А Савва?

— Савва будет вынужден ответить. Публично. Он не сможет откупиться от трёх купцов сразу. Слишком много шума. Слишком много свидетелей.

Я наклонился вперёд.

— И тогда начнётся публичный суд. Где всё всплывёт. Все схемы, все обманы. И Воевода получит легальный повод конфисковать имущество Авиновых.

— План хорош. Но нужна идеальная память завтра.

— Знаю. Поэтому сейчас иду спать. Мне нужна ясная голова.

Я встал, пошёл к двери.

— Егорка, ты будешь ждать меня завтра у Волостного двора. На улице. Если что-то пойдёт не так, если Тимофей заподозрит что-то — ты сразу предупредишь.

— Хорошо.

Я посмотрел на Серапиона.

— А вы, отец, готовьте бересту. Как только я выйду из

Двора, приду сюда. И мы запишем всё, что я запомнил.

— Буду готов.

Я вышел из кельи, пошёл домой.

Ночь была холодной, тихой. Звёзды горели ярко на небе.

Завтра. Интеллектуальный штурм. Битва памяти против бюрократии.

Три документа. Три купца. Три сигнала от Анфима.

Это всё, что мне нужно.

Память Глеба шептала — фокус, концентрация, мнемоническая техника. Запоминать структурно: имя, сумма, дата, товар.

Я не могу позволить себе ошибиться. Одна забытая цифра — и план рухнет.

Я подошёл к дому, вошёл тихо, чтобы не разбудить Агафью.

Лёг на лавку, закрыл глаза.

Спать. Нужно спать. Чтобы завтра память работала идеально.

Но сон не шёл. Я лежал, обдумывая план снова и снова.

Левая рука — пустышка. Правая рука — улика.

Имя. Сумма. Дата. Товар.

Запомнить. Записать. Использовать.

Интеллектуальное ограбление.

Наконец я уснул, но сон был беспокойным, полным образов документов, цифр, рук Анфима.

Завтра всё решится.

Раннее утро было холодным, серым. Я шёл к Волостному двору, стрельцы шли рядом — видимый символ моей защиты.

Егорка ждал меня у входа.

— Мирон, готов?

— Готов. Ты остаёшься здесь. Если что-то пойдёт не так, я выйду и дам знать.

Егорка кивнул, отошёл к стене, прислонился, делая вид, что просто ждёт.

Я вошёл в Общую приказную избу.

Внутри было душно, пахло воском и старой бумагой. За столами сидели несколько писцов, склонившись над работой.

Тимофей стоял у большого стола в углу. На столе лежала гора документов — свитки, папки, связки берёсты.

Рядом стоял Анфим, его лицо было спокойным, официальным.

А у окна, облокотившись на подоконник, стоял Касьян. Ухмылка на его лице, руки скрещены на груди.

Пришёл поглумиться. Посмотреть, как я буду копать в бумагах и ничего не найду.

Я подошёл к столу, посмотрел на гору документов.

Тимофей ядовито произнес:

— Вот реестры, Смотритель. Читай.

Он сделал паузу, его голос стал жёстче:

— Делать выписки не дозволено. Архив Авиновых — их

собственность. Копирование требует разрешения владельца.

— Запомнишь что-то — твоё счастье.

— Понял. Начнём.

Я сел за стол, посмотрел на документы.

Гора. Десятки, может, сотни свитков. Имена, цифры, даты. Скоропись.

Память Глеба всплыла — умение работать с документами, читать быстро, выхватывать ключевую информацию.

Но Мирон никогда не работал с такими объёмами. Ему будет сложно.

Я взял первый свиток, развернул.

Скоропись. Неразборчивая, с сокращениями.

«...купцу Федору... соль... 15 пудов... цена 2 рублей пуд...
итого 30 рублей...»

Я шурился, пытаюсь разобрать буквы.

Это сложнее, чем я думал. Глеб читал такое легко. Но Мирон...

Тимофей стоял рядом, смотрел на меня.

— Трудно, Смотритель? Скоропись не для простых людей.

Я промолчал, продолжал читать.

Анфим подошёл, наклонился.

— Смотритель, позвольте помочь. Я разберу документы, чтобы вам было удобнее.

— Помогай. Но только раскладывая. Ничего не объясняй.

Он начал перебирать документы, раскладывать их на сто-

ле.

Я смотрел на его руки.

Левая. Правая. Левая.

Он взял свиток, положил передо мной, поправил левой рукой.

Пустышка. Игнорировать.

Я развернул свиток, сделал вид, что читаю внимательно. На самом деле — просто смотрел на буквы, не запоминая.

Через минуту отложил.

— Следующий.

Анфим подал ещё один, поправил левой рукой.

Снова пустышка.

Я читал, делал вид, что изучаю. Задал Тимофею формальный вопрос:

— Тимофей Писарь, а этот квит — он подписан лично Касьяном?

Тимофей подошёл, посмотрел.

— Да. Почерк его.

Я кивнул, отложил свиток.

— Понятно.

Отвлечь внимание. Пока Тимофей смотрит на меня, Анфим готовит следующий документ.

Анфим взял третий свиток, положил передо мной, поправил правой рукой.

Это важно. Улика.

Я замер, развернул свиток.

Сосредоточился полностью.

Читать. Запоминать. Каждую букву. Каждую цифру.

Текст был длинным, но я выделил главное:

«...купцу Никифору Торжскому... рожь... 50 мер... договор цена 3 рублей мера... итого 150 рублей... Касьян уплатил 100 рублей... недоплата 50 рублей... квит на 150 рублей подписан... дата: 15 июня прошлого года...»

Я повторял про себя:

Никифор Торжский. Рожь. 50 мер. 150 рублей. Недоплата 50 рублей. 15 июня.

Память Глеба помогала — структурировать информацию, запоминать через повторение.

Имя. Товар. Сумма. Недоплата. Дата.

Я прочитал ещё раз, закрыл глаза на мгновение, закрепляя в памяти.

Затем отложил свиток.

Тимофей смотрел на меня подозрительно.

— Что-то нашёл?

Я покачал головой.

— Пока изучаю. Много цифр.

Касьян усмехнулся у окна.

— Устал уже, Рыбец? Бумаги — не твоё дело.

Я промолчал.

Анфим подал следующий свиток, поправил левой рукой.

Пустышка.

Я читал быстро, не запоминая. Через минуту отложил.

— Следующий.

Прошло ещё несколько документов. Все — левой рукой.

Затем Анфим взял новый свиток, положил передо мной, поправил правой рукой.

Вторая улика.

Я развернул, впился глазами в текст.

«...купцу Степану Новгородскому... железо... 20 пудов... договор цена 5 рублей пуд... итого 100 рублей... Касьян уплатил 70 рублей... ссылка на плохое качество... квит на 100 подписан... дата: 3 августа прошлого года...»

Я повторял:

Степан Новгородский. Железо. 20 пудов. 100 рублей. Недоплата 30 рублей. Отговорка: плохое качество. 3 августа.

Закрыв глаза, закрепил.

Имя. Товар. Сумма. Недоплата. Отговорка. Дата.

Отложил свиток.

Тимофей подошёл ближе.

— Смотритель, ты уже час сидишь. Нашёл что-нибудь?

Я посмотрел на него.

— Изучаю.

— Может, хватит? Я вижу, ты устал. Скоропись тяжела для глаз.

Я покачал головой.

— Ещё несколько документов. Я должен быть уверен.

Тимофей нахмурился, но кивнул.

Анфим продолжал подавать документы. Левая рука. Ле-

вая. Левая.

Я читал механически, не запоминая.

Затем — снова правая рука.

Третья улика. Последняя.

Я взял свиток, развернул.

«...купцу Ивану Костромскому... лён... 30 пудов... договор
цена 4 рубля пуд... итого 120 рублей... Касьян уплатил 100
рублей... недоплата 20 рублей... обсчёт при взвешивании...
квит на 120 подписан... дата: 20 марта прошлого года...»

Я повторял:

Иван Костромской. Лён. 30 пудов. 120 рублей. Недоплата
20 рублей. Обсчёт при взвешивании. 20 марта.

Закрыв глаза.

Имя. Товар. Сумма. Недоплата. Обсчёт. Дата.

Три дела. Три купца. Все запомнил.

Я отложил свиток, встал.

— Достаточно.

Тимофей выпрямился.

— Закончил?

— Да. Ознакомился с документами. Благодарю за доступ.

— И что ты там нашёл, Смотритель?

Я посмотрел на него спокойно.

— Кое-то для доклада Воеводе.

— Доклад? Без бумаг? Воевода засмеёт тебя, Рыбец.

— Посмотрим.

Я развернулся, пошёл к выходу.

Тимофей окликнул:

— Смотритель! Ты уверен, что запомнил что-то важное?

Скоропись не каждому даётся.

Я обернулся.

— Я запомнил достаточно.

Я вышел из избы.

На улице Егорка ждал.

— Ну?

— Всё. Три дела. Запомнил.

— Пойдём к Серапиону?

— Быстро. Пока свежо в памяти.

Мы пошли к Обители, почти бегом.

Три купца. Три дела. Конкретные суммы, даты, детали.

Никифор Торжский. 50 рублей недоплата. Рожь. 15 июня.

Степан Новгородский. 30 рублей недоплата. Железо. 3 августа.

Иван Костромской. 20 рублей недоплата. Лён. 20 марта.

Память Глеба держала информацию крепко, структурированно.

Но нужно записать сейчас. Пока не забыл.

Мы вбежали в келью Серапиона.

Он уже ждал, бересту и уголь приготовил на столе.

— Мирон! Получилось?

Я кивнул, сел за стол, взял уголь.

— Записываю. Сейчас.

Я начал писать быстро, чётко:

Дело 1:

Купец: Никифор Торжский

Товар: Рожь, 50 мер

Договор: 150 рублей (3 рубля за меру)

Уплачено: 100 рублей

Недоплата: 50 рублей

Квит подписан на 150 рублей

Дата: 15 июня прошлого года

Дело 2:

Купец: Степан Новгородский

Товар: Железо, 20 пудов

Договор: 100 рублей (5 рубля за пуд)

Уплачено: 70 рублей

Недоплата: 30 рублей

Отговорка: «плохое качество»

Квит подписан на 100 рублей

Дата: 3 августа прошлого года

Дело 3:

Купец: Иван Костромской

Товар: Лён, 30 пудов

Договор: 120 рублей (4 рубля за пуд)

Уплачено: 100 рублей

Недоплата: 20 рублей

Причина: обсчёт при взвешивании

Квит подписан на 120 рублей

Дата: 20 марта прошлого года

Я отложил уголь, посмотрел на записи.

— Всё. Три дела. Полная информация.

Серапион взял бересту, прочитал.

— Господи... это же прямые доказательства обмана.

— И что теперь?

Я встал.

— Теперь я иду к этим купцам. Лично. Один за другим.

Я посмотрел на записи.

— Скажу им, что знаю о недоплате. Назову точные суммы и даты. Они поймут, что у меня доступ к внутренним документам Авиновых.

— И тогда предложу объединиться. Подать коллективную жалобу Воеводе. Три влиятельных купца против Саввы Авинова.

— Это может сработать.

Я взял бересту, свернул, сунул за пояс.

— Пойдёмте. Начнём с Никифора. Он торгует на площади.

Мы вышли из кельи.

Интеллектуальное ограбление завершено. Информация получена. Без единого клочка бумаги.

Тимофей думал, что поставил ловушку. Но я обошёл её. Через память. Через Анфима.

Теперь начинается следующий этап.

Точечная вербовка. Информационная война.

Лавка купца Никифора Торжского находилась на главной

торговой улице. Большая, добротная, с широкими окнами и крепкими дверями.

Я стоял перед входом, стрельцы рядом. Егорка чуть поодаль.

— Готов? — спросил Егорка.

— Готов. Никифор — самый влиятельный из троих. Если он согласится, остальные последуют.

Я толкнул дверь, вошёл.

Внутри было тепло, пахло пряностями и кожей. За прилавком стоял купец Никифор — крепкий мужчина лет пятидесяти, с седой бородой и умными, цепкими глазами.

Увидев меня со стрельцами, он нахмурился.

— Смотритель? Что привело тебя в мою лавку?

Я подошёл ближе, мой голос был официальным, спокойным:

— Никифор Семёнович. Я, Мирон Заречный, Смотритель пристаней, пришёл по делу.

Никифор скрестил руки на груди.

— По какому делу?

Я достал бересту с записями, развернул, посмотрел на цифры.

Затем произнёс чётко, называя детали:

— При проверке причальных сборов я выявил нарушение по вашей сделке с Касьяном Авиновым. Товар: рожь, пятьдесят мер. Договорная цена: сто пятьдесят рублей. Сделка состоялась пятнадцатого июня прошлого года.

Никифор замер. Его глаза расширились.

Я продолжал:

— Согласно договору, Касьян Авинов должен был уплатить вам сто пятьдесят рублей. Но по внутренним документам, он уплатил только сто рублей.

Я сделал паузу.

— Недоплата: пятьдесят рублей. Квит на полную сумму был подписан.

Тишина повисла в лавке.

Никифор смотрел на меня, его лицо было бледным, шокированным.

— Ты... ты видел книги? Внутренние книги Авиновых?

— Видел. В рамках моих полномочий как Смотрителя пристаней.

Никифор медленно опустился на стул за прилавком.

— Господи... я знал. Я всегда знал, что Касьян обманул меня.

Он посмотрел на меня.

— Но у меня не было доказательств. Квит был подписан. Я не мог ничего сделать.

Я наклонился вперёд.

— Теперь можете. Потому что у меня есть информация. Точная. С датами и суммами.

Никифор уставился на меня.

— И что ты хочешь от меня?

Я выпрямился.

— Завтра Савва Авинов будет вынужден предстать перед Воеводой. Я организую публичное разбирательство. Если вы на нём публично потребуете свои пятьдесят рублей обратно — я, как Смотритель, поддержу ваше требование официально.

Я посмотрел ему в глаза.

— Выбирайте.

Никифор молчал, обдумывая.

— А если Савва откажется платить?

— Он не сможет отказаться. Потому что я предоставлю Воеводе доказательства его обмана. Документальные свидетельства недоплат. Савва будет вынужден либо вернуть деньги, либо предстать перед судом.

— И что я получу?

— Свои пятьдесят рублей. Публичное признание того, что Авиновы обманщики. И уверенность, что больше никто не посмеет вас обмануть, потому что Воевода будет следить.

— Вы — уважаемый купец. Влиятельный. Если вы выступите против Авиновых, другие последуют. И тогда Савва падёт.

Никифор смотрел на меня долго, оценивающе.

— Хорошо. Я приду. И потребую свои деньги.

— Благодарю. Воевода назначит слушание. Я пришлю вам уведомление.

Я развернулся, пошёл к выходу.

У двери остановился, обернулся.

— Никифор Семёнович. Одно условие. Не говорите никому об этом разговоре до завтра. Особенно — Авиновым.

— Понял. Буду молчать.

Я вышел из лавки.

— Один есть. Двое осталось.

— Идём к Степану Новгородскому. Он торгует железом на Кузнечной улице.

Лавка Степана была меньше, проще. Он сам встретил меня у входа — высокий, жилистый мужчина с острым взглядом.

— Смотритель? Что тебе надо?

Я произнёс официально:

— Степан Новгородский! Я, Смотритель пристаней, выявил нарушение по вашей сделке с Касьяном Авиновым. Товар: железо, двадцать пудов. Договорная цена: сто рублей. Дата: третье августа прошлого года.

Степан нахмурился.

Я продолжал:

— Касьян уплатил вам только семьдесят рублей. Сославшись на плохое качество. Но квит на сто рублей был подписан.

Степан замер.

— Откуда ты знаешь?

— Из внутренних документов Авиновых. Недоплата: тридцать рублей.

Степан стиснул зубы.

— Этот гад! Я знал, что железо было отличным. Но он заставил меня принять меньше, угрожая, что вообще не заплатит.

— Завтра будет публичное разбирательство. Потребуйте свои тридцать рублей. Я поддержу вас официально.

Степан посмотрел на меня.

— А если Савва откажется?

— Не откажется. У меня есть доказательства.

— Хорошо. Я приду. И потребую.

— Благодарю. Уведомление будет завтра.

Я вышел.

Третьим был Иван Костромской. Его лавка находилась у речной пристани — он торговал льном и пенькой.

Иван встретил меня настороженно — пожилой купец с умными, усталыми глазами.

— Смотритель. Слушаю.

Я произнёс:

— Иван Костромской! Я выявил нарушение по вашей сделке с Касьяном Авиновым. Товар: лён, тридцать пудов. Договорная цена: сто двадцать рублей. Дата: двадцатое марта прошлого года.

Иван замер.

Я продолжал:

— Касьян уплатил вам только сто рублей. Причина: обсчёт при взвешивании. Но квит на сто двадцать был подписан.

Иван закрыл глаза.

— Двадцать рублей. Я помню. Он обсчитал меня, и я не мог доказать. Весы были его.

— Завтра потребуйте свои двадцать рублей. Публично. Я поддержу.

Иван открыл глаза, посмотрел на меня.

— Ты уверен, что это сработает?

— Уверен. Вас будет трое. Три уважаемых купца. Воевода не сможет игнорировать.

Иван медленно кивнул.

— Хорошо. Я приду.

— Благодарю.

Вечером я сидел в келье Серапиона. Егорка рядом.

— Трое, — сказал Егорка довольно. — Все согласились.

— Да. Никифор — лидер мнений. Степан — упрямый и честный. Иван — уважаемый старый купец. Трое вместе — это сила.

Серапион посмотрел на меня.

— И что дальше?

— Завтра утром я иду к Воеводе. Докладываю о результатах проверки. Говорю, что выявил нарушения. Что три купца готовы подать жалобу.

Я наклонился вперёд.

— Воевода назначит публичное слушание. Позовёт Савву, купцов, меня. И там всё вскроется.

— Савва будет в ярости.

— Будет. Но они ничего не смогут сделать. Потому что все принародно, на виду у Воеводы, купцов, всей Слободы.

Я откинулся на спинку стула.

— Порядок Авиновых рухнет. У всех на глазах.

— Да благословит тебя Господь, Мирон. Ты делаешь правое дело.

Я встал.

— Иду домой. Завтра тяжёлый день.

Я вышел из кельи, пошёл по ночной Слободе.

Трое купцов. Три жалобы. Три доказательства обмана.

Завтра начнётся публичное разбирательство. И Савва не сможет скрыться.

Информационная война выиграна. Точечная вербовка завершена.

Осталось нанести финальный удар.

Я подошёл к дому, вошёл.

Агафья встретила меня у двери.

— Мирон? Как дела?

— Хорошо. Завтра Авиновы падут.

Агафья обняла меня.

— Я верю в тебя.

Я лёг спать, но сон был беспокойным.

Завтра. Публичное слушание. Последняя битва.

Вечер опустился на Слободу. В палатах Саввы Авинова горели свечи, освещая богатые покои, — резные столы, рас-

шитые ковры, серебряную утварь.

Савва сидел в кресле у окна, смотрел на огни города. Его лицо было спокойным, непроницаемым.

Тимофей стоял у стены, нервно тербил рукава кафтана.

В дверь постучали. Резко, требовательно.

Савва обернулся.

— Войдите.

Дверь распахнулась. Вошли трое купцов — Никифор Торжский впереди, за ним Степан Новгородский и Иван Костромской.

Лица их были жёсткими, решительными.

Савва поднялся из кресла, изобразил удивление:

— Никифор Семёнович! Степан! Иван! Что привело вас ко мне в такой час?

Никифор шагнул вперёд, его голос был громким, гневным:

— Савва Петрович! Твой сын обдирал нас! Годами!

Савва нахмурился.

— О чём ты говоришь?

Никифор стукнул кулаком по столу:

— О деньгах! Которые Касьян недоплатил! Мне — пятьдесят рублей за рожь! Степану — тридцать за железо! Ивану — двадцать за лён!

Он наклонился вперёд.

— Мы знаем точные суммы! Мы знаем даты! И Смотритель Мирон Заречный знает! Он видел ваши внутренние

книги!

Степан добавил жёстко:

— Касьян обсчитывал нас, недоплачивал, а квиты подписывал на полную сумму! Это воровство!

Иван кивнул:

— Мы требуем справедливости!

Савва смотрел на них молча, его лицо было спокойным.

Слишком спокойным.

Тимофей у стены побледнел, его руки дрожали.

Савва медленно обошёл стол, встал перед купцами.

— Значит, вы утверждаете, что мой сын вас обманывал?

Никифор кивнул.

— Утверждаем! И требуем публичного суда!

Савва усмехнулся. В его глазах промелькнуло что-то хитрое, опасное.

— Публичного суда? Хорошо.

Он выпрямился, его голос стал величавым, оскорблённым:

— Не я, а вы сами требуете правды! Прекрасно!

Он шагнул к окну, развернулся.

— Завтра на площади будет суд! На виду у всей Слободы!

Он посмотрел на купцов.

— Не над моим сыном — над клеветой! Мы все увидим, кто настоящий тать!

Никифор нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что вы обвиняете моего сына в обмане. Но у вас нет доказательств. Только слова Смотрителя, который ненавидит нашу семью.

Он сделал паузу.

— Квиты подписаны. Суммы указаны. Если Касьян недоплатил — почему вы молчали столько времени? Почему не требовали справедливости раньше?

— Потому что не было доказательств!

— Именно. Не было. И сейчас нет. Есть только слова Мирона Заречного, который не может показать документы. Потому что их не существует.

— А может, Мирон просто лжёт? Чтобы отомстить нашей семье за арест Касьяна?

Иван покачал головой.

— Мирон сказал точные суммы. Даты. Он не мог этого выдумать.

Савва развёл руками.

— Мог. Если вы сами рассказали ему о своих подозрениях. Он просто повторил то, что вы ему сказали.

Никифор стиснул зубы.

— Это ложь!

Савва выпрямился.

— Тогда докажите. Завтра. На суде. Прилюдно.

Он посмотрел на них холодно.

— Приходите. Вместе с Мироном. Предъявляйте ваши обвинения. И мы посмотрим, кто прав.

Никифор колебался, затем кивнул.

— Хорошо. Завтра. На площади.

Трое купцов развернулись, вышли.

Дверь закрылась.

Савва стоял у окна, смотрел на их уходящие фигуры.

— Глупцы. Думают, что меня можно припереть к стене криками на площади.

Он обернулся к Тимофею.

Писарь стоял, бледный, дрожащий.

Савва подошёл к нему, его голос стал тихим, ледяным:

— Готовься, Писарь. Ты будешь представлять нашу сторону.

Тимофей уставился на него.

— Что?

— Завтра на суде ты будешь главным свидетелем. Ты ведёшь книги. Ты знаешь все записи. Ты подтвердишь, что Касьян платил полностью.

Тимофей побледнел ещё больше.

— Но... но Мирон видел документы...

Савва перебил его холодно:

— Мирон ничего не видел. Потому что ты не дал ему вынести ни одного клочка бумаги. У него нет доказательств. Только память. А память — не доказательство.

Он наклонился ближе.

— Ты встанешь на суде и скажешь: все квиты подписаны, все суммы уплачены, Касьян честный купец.

Тимофей заикался:

— А если... если купцы не поверят?

— Они поверят. Потому что у тебя есть книги. С печатями. А у Мирона — только слова.

Он выпрямился.

— И если мы «проиграем»... волостной судья спросит не с Касьяна, а с тебя. За плохое ведение книг.

Тимофей замер.

Савва продолжал тихо, опасно:

— Понял? Ты — наш главный свидетель... и наш главный обвиняемый, если что-то пойдёт не так.

Он положил руку на плечо Тимофея, сжал.

— Если Касьян падёт, он скажет, что ты вёл двойные счета. Что ты помогал ему обманывать купцов. Что ты — соучастник.

Тимофей задрожал.

— Но если ты защитишь Касьяна, если докажешь, что Мирон лжёт... я позабочусь о тебе. Дам тебе награду. Возвышу тебя.

Он отпустил плечо.

— Выбирай.

Тимофей стоял, его лицо было серым, безжизненным.

Затем медленно кивнул.

— Я... я сделаю, как скажете.

— Умный мальчик.

Он прошёл к столу, налил себе вина.

— Иди. Готовься. Завтра будет долгий день.

Тимофей кивнул, пошёл к выходу.

У двери остановился, обернулся.

— Савва Петрович... а если Мирон действительно запомнил всё? Если он назовёт точные цифры?

— Тогда ты скажешь, что его память ошибается. Что цифры неверны. Что книги показывают другое.

Он сделал глоток вина.

— Слово против слова, Тимофей. Расчетные книги против памяти обиженного человека. Кому поверит судья?

Тимофей кивнул медленно, вышел.

Савва остался один, стоял у окна, смотрел на ночную Слободу.

Мирон Заречный. Умный мальчишка. Обошёл ловушку Тимофея. Завербовал купцов.

Но он не понимает, как работает власть. Публичный суд — это не место для правды. Это место для представления.

И я — лучший актёр в этом городе.

Он допил вино.

Завтра мы посмотрим, кто умнее. Рыбак или Барон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.